

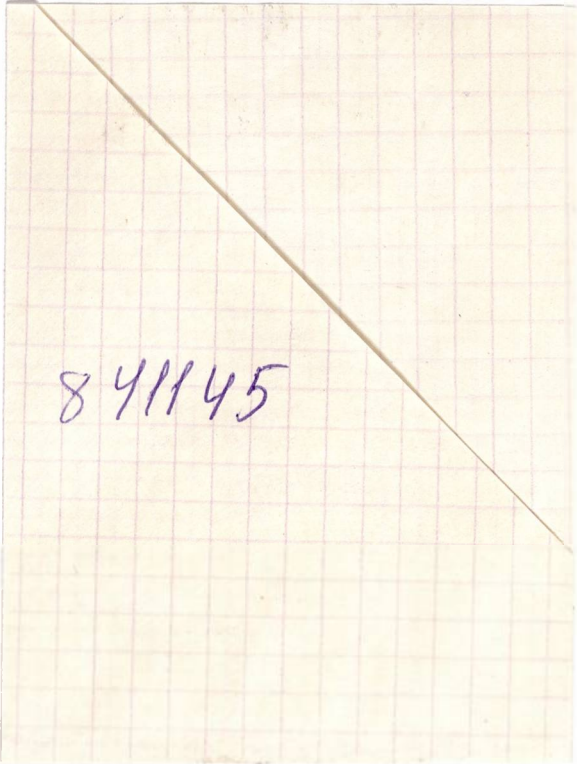
683
В 75

к

Василий Воронин

**ВЗГЛЯД
В ПРОШЛОЕ**

841145

Василий Воронин

841745

**ВЗГЛЯД
В ПРОШЛОЕ**

Начальник Никольского
Теретского
кампанья от УМЗ
ит автора
Вруж
30.11-2007

Узловая - 2007 г.

63.3(2Р4Тул.)

В 75

© В. Н. Воронин

Василий Николаевич Воронин родился в 1937 году в селе Альшань, что в 10 километрах от старинного русского города Орла.

Вместе с родителями приехал в Узловую почти сразу же после войны. Здесь пошёл в школу, которую окончил в 1956. Потом три года находился в рядах Советской Армии, служил радистом в отдельном полку связи Закавказского военного округа г. Тбилиси.

После службы в армии поступил на Узловский машиностроительный завод, где и трудится до настоящего времени. Сначала работал токарем, а после окончания (1963 г.) Узловского вечернего техникума тяжёлого машиностроения на инженерных должностях. В 1972 году без отрыва от производства окончил Тульский Политехнический институт (заочное отделение).

В. Н. Воронин всё время занимается любительски литературным творчеством: пишет стихи, басни, посвящения друзьям, эпиграммы, пародии, некоторые из них печатались в газетах "Узловский металлист" и "Знамя".

Сейчас он представляет на суд читателей свою книгу воспоминаний.

Уважаемые читатели!

Перед вами открыта книга В.Н. Воронина "Взгляд в прошлое". Она посвящена 60-летию Узловского машиностроительного завода "Кран", на котором сам автор проработал более 45 лет. Это автобиографическая повесть о детстве и школьной жизни, о строительстве машзавода и посёлка при нём.

Автор сохранил приятные воспоминания о своём детстве, с пристрастием описал школьные годы, остановился на проблемах того периода, самокритично живописуя шалости и проступки во время учёбы.

С большой теплотой и любовью Василий Николаевич отзывается о своих учителях, директоре школы; не забыты друзья детства и школьные товарищи. Книга богато иллюстрирована, есть авторские фотографии родного города прошлых лет, что повышает ценность этого издания.

В книге сохранена лексика того времени, указаны приметы, описаны традиции и нравы тогдашней жизни. Повествование охватывает небольшой отрезок времени послевоенной жизни Узловой (с 1946 по 1956 год).

Мне как учителю, проработавшему в школе более 50 лет, было особенно приятно, что автор достойно осветил тему школьной жизни и все её тонкости. Читал книгу с большим интересом!

Василий Николаевич подробно описывает строительство и развитие машзаводского посёлка, его жилого фонда (от землянок до пятиэтажек), магазинов, школ, больниц и т.д. Уделено внимание и самому машзаводу в пределах того, что мог знать и видеть автор, тогда ещё школьник.

Вспоминая местные события далёких лет, автор не обошёл вниманием происходящее в стране, в её экономической и политической жизни, всё то, что имело большой резонанс.

По всему видно, что Василий Николаевич большой патриот своей родной школы, города, в котором он живёт, и, конечно, России.

Пожелаем ему дальнейших творческих успехов!

Д.В. Романов,
отличник народного образования,
ветеран войны и труда, краевед.

ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ

1946 год

Проезд
Шел 1946 год. Совсем недавно закончилась война, нужно было восстанавливать разрушенное войной хозяйство. Везде требовались рабочие руки. И началось великое переселение людей. Поднялись со своего места и мы. Наша семья переезжала в город со странным названием УЗЛОВАЯ.

Был март. Один из тех месяцев, который хоть и относится к весенним, часто холоден по-зимнему. Снег ещё лежал сугробами даже там, где припекало солнышко. Еще не было ни одной проталинки.

От станции до будущего места жительства добирались по шпалам. Только там ещё можно было пройти. Железнодорожные пути чистили после каждого снегопада. Идти пришлось долго. Тогда это казалось очень далеко. В детском возрасте всё кажется долгим, длинным и высоким.

Позади война, оккупация, нужда, тяжелая болезнь, не позволившая мне пойти в школу вместе со сверстниками. Да и школы-то не было. Отступая, немцы сожгли почти всё село. Последствия недоедания, нужды и болезни ещё долго преследовали таких, как я. Но как бы там ни было, жизнь продолжалась.

Жить пришлось в полунасыпанной землянке, которая для благозвучия называлась палаткой. Всё жилое помещение располагалось в земляной яме, наверх выходили лишь небольшие оконца и крыша, крытая рубероидом. Такие палатки строили для себя первопроходцы, первостроители для временного проживания. Центральное место здесь занимала большая печь, огонь в которой, по-моему, никогда не гас. Кто-нибудь сушил обувь, кто-то готовил обед, а чайник с кипятком стоял на краю плиты, всегда готовый к употреблению.

Жилье было рассчитано на 30-40 человек, по обеим сторонам прохода стояли топчаны, а между ними тумбочки. Таких палаток насчитывалось штук десять, и все они располагались у пересечения двух дорог: на Дубовку и на тогдашний Сталиногорск. Кругом были колхозные поля, лишь через дорогу стояли частные дома железнодорожников, образующие несколько улиц с одним названием Куйбышевская 1-я, 2-я, 3-я, 4-я, и 5-я. Сейчас на месте Куй-

бышевских улиц вырос целый микрорайон, а на месте бывших палаток находятся котельная и стадион колледжа. В этих палатках тогда жили строители Особого строительного-монтажного управления № 6 (ОСМУ-6), позже переименованного в Узловское строительное-монтажное управление (УСМУ-6). На письмах-треугольниках адрес указывали так: Московская область, станция Узловая, ОСМУ-6 и номер палатки, где проживал адресат. Тогда Узловую и городом никто не считал, хотя статус города Узловой был дан ещё до войны (11 сентября 1938 года).

Кроме палаток, конторы строителей и столовой на том месте больше ничего не было. Всё строилось на моих глазах. Особый статус строительному-монтажному управлению придавали многочисленные лагеря для военнопленных немцев, которые и были первым контингентом ОСМУ-6. Один из лагерей находился рядом, другой был чуть подальше. Там, где потом долгое время располагался тарный цех завода, а сейчас на этом месте находится девятиэтажное общежитие и крем-бар.

В одной из палаток нам отгородили угол, так как мы были единственной семьей в этом сугубо мужском общежитии. Но прожить там нам пришлось недолго. Вскоре рядом был построен первый барак (ему дали номер 11), крытый щепой (это что-то вроде деревянной черепицы). В бараке было два подъезда по 8 комнат (не квартир!). Каждую комнату занимала отдельная семья. Был конец апреля. Соблюдалась тогдашняя советская традиция сдавать новостройки в эксплуатацию к праздникам. Так что великий (по тем временам) праздник 1 Мая мы встречали в новой комнате, где почти четвертую часть площади занимала печь. Уместились только две кровати и стол. Я, как младший в семье, спал на топчане, который днём убирали, чтобы не мешал. Удобств не было никаких. За водой ходили на 1-ю Куйбышевскую улицу метров за пятьсот. Рядом, в таких же комнатах жили другие семьи, даже более многочисленнее, чем наша. Фамилии соседей того времени не забылись до сих пор. Мы жили бедно, просто, но весело и дружно. Сразу после новоселья многие жители посадили под окнами деревья, которые и сейчас радуют глаз (это во дворе дома № 3 по ул. Заводской). Дорог и тротуаров тогда еще не было, грязь вокруг была непролазная. Без резиновых сапог или галош нельзя было пройти.

Детей и подростков было мало, не все ещё перевезли свои семьи, поэтому к нам, детям, все относились хорошо и старались хоть чем-нибудь угостить. В столовой еда была нехитрая,

но конфеты “ириски”, которые стали постоянным приложением к пшенной каше, почти никто из взрослых не кушал. Всё доставалось нам.

Наши родители работали, а мы были предоставлены сами себе. Во что играли дети войны? Конечно, в войну. Из какой-нибудь доски вырезали, выпиливали “автомат” и целыми днями кричали “ура”. Осваивая окрестности, мы обнаружили, что в ручье, который протекал по Куйбышевским улицам, водился пескарь. Сейчас никто в это не поверит, а тогда в этом ручье была чистая и прозрачная вода. Теперь этот ручей упрятан в трубу, чтобы избавиться от неприятного запаха из-за загрязнения его стоками промышленных предприятий.

Послевоенные годы были голодными. Хлеб и всё остальное распределяли по карточкам, сахара не было совсем. Вместо сахара в кипяток сыпали сахарин – химическое вещество американского происхождения. Обращаться с ним надо было осторожно, потому что он был слаще сахара в тысячу раз. У всех приезжих не было картошки, этого основного после хлеба продукта. Для того, чтобы хоть чуть утолить голод, весной украдкой ходили на колхозные поля и собирали мерзлую картошку, оставшуюся в земле с осени. Из этой картошки делали крахмал и пекли что-то похожее на оладьи. Они получались черными, невкусными, но съедобными. Народ метко назвал их “тошнотиками”. Кроме того, ходили собирать дикий щавель и ещё в суп добавляли лебеду и листья свеклы. По тем временам получался вполне приличный суп. Осенью, после уборки урожая, опять же украдкой собирали колоски, чтобы испечь хоть немного хлеба. Причем, колоски сначала собирали пионеры и школьники в общие закрома и лишь потом, то, что осталось, собирали для личного пользования. И то с оглядкой: нет ли поблизости объездчика (была такая штатная должность в колхозах). Он отбирал собранные колоски, а особенно рьяный мог и огреть кнутом. Забегая вперед, надо сказать, что когда дали землю под огороды, стало значительно легче. Выкопанной картошки хватало на весь год, а излишки можно было продать и купить хотя бы подсолнечного масла, чтобы заправить ту же картошку. Я хорошо помню наш первый огород. Он был в конце теперешней улицы Трудовые резервы (приблизительно там, где сейчас находится парк машиностроителей). И самое главное: в семьях недостаток, чуть ли не голод, а посадки картофеля никто никогда не трогал. Такого воровства, как сейчас, не было.

В то тяжелое послевоенное время у населения не было ничего, кроме одежды и минимума мебели: стол, тумбочка и стулья, и то выданные комендантом. На работу, на обед, с работы ходили по сигналу. Рядом с воротами в лагерь с военнопленными немцами стоял столб с висящим на нём отрезком рельса. Утром, в обед и вечером табельщица била железкой в этот рельс, давала сигнал начала или конца работы. Потом этот сигнал заменил заводской гудок, но это было уже тогда, когда начал работать завод. В пятидесятые и шестидесятые годы гудков в Узловой раздавалось много. Каждое мало-мальски серьезное предприятие обязательно давало свой гудок: машзавод, депо, шахты... По гудку люди шли на работу, по нему же потом сверяли часы и планировали свой день. Так было до конца шестидесятых, когда гудки и автомобильные сигналы в городе были отменены.

Барак строителей (фото 1948 г.) Из фонда Узловского художественно-краеведческого музея

В столовой строителей по вечерам стали "крутить" кино. После ужина убрали столы, расставляли скамейки и стулья, приезжий киномеханик настраивал свой аппарат. Занавешивали одеялами окна, гасили свет, и начиналось зрелище! Фильмы демонстрировались на одном аппарате, после каждой части (а их было 10-12) нужен был перерыв. Включали свет, киномеханик перезагружал аппарат, и снова гасили свет. Пока шла вторая часть,

он сам, а чаще кто-нибудь из добровольных помощников перематывал предыдущую часть для повторного показа. Пленка была старая, часто рвалась. Опять включали свет, киномеханик клеил её, и тогда раздавались крики: "Сапожник!" Вообще, наш народ эмоциональный, на всё реагирует бурно. На стадионе также раздавались крики: "Мазила!" или "Судью на мыло!".

При демонстрации фильмов мы, мелюзга, сидели на полу. Нам мест не полагалось, так как все мы проникали в кино без билетов. А способов для этого у нас было много: проходили со взрослыми под плащом, пролезали через форточки, открывали другую дверь и т.д. Позже появились и другие, более "цивилизованные" способы. В то время шли такие классические, очень любимые публикой фильмы, как "Трактористы", "Свинарка и пастух", "Веселые ребята" и другие. Кроме советских фильмов, часто показывали трофейные. Кино начиналось с титров: "Этот фильм взят в качестве трофея". Он был на иностранном языке, перевод (очень краткий) сделан титрами ниже изображения. Было очень неудобно следить за действием и читать текст. А действия на экране разворачивались очень часто до того увлекательные, что разговоров и пересказов потом хватало надолго. Это были и "Багдадский вор", и "Башня смерти", и "Расплата" (односерийный фильм о графе Монте-Кристо), и "Три мушкетера" и другие.

По праздникам летом опять же около столовой часто играли братья Стрижовы (Стрижи, как их прозвали в народе): Владимир и Лев. Один играл на баяне, другой – на аккордеоне. Мелодии были разные, в основном, танцевальные. Одну из них, а именно полечку композитора Шахнова под названием "Карусель" в их виртуозном исполнении забыть невозможно. Мы, мальчишки, всегда стояли в сторонке и наслаждались музыкой.

Летом того года нас, детей, переписали, распределили по классам, и 1 сентября мы пошли в школу. Ближайшей была железнодорожная школа №26 (затем № 60, напротив ЗАГСа), здание которой сохранилось до сих пор. Ходить приходилось далеко и через ручей. Он пересекал наш путь, а весной и осенью становился серьезной преградой для нас, первоклашек. Но нас выручали большие ребята. Они переносили нас через ручей буквально на руках. Конечно, ручей можно было обойти, но тогда дорога удлинялась еще.

Всю первую четверть писали сначала карандашом палочки и

крюпочки, а потом буквы. И лишь во второй четверти начали писать чернилами на тетрадях в большую косую линейку. Писали с наклоном и с "нажимом". Перо должно было быть обязательно № 11, никак не другое. Чернила фиолетовые. Для их приготовления продавался специальный порошок, но мы их часто делали из химического карандаша (был такой карандаш, который по влажной бумаге сам писал, как чернилом). Появилось ещё одно неудобство: в школу надо было носить чернильницу, а так не хотелось! И мы не носили. Носили девчонки, а мы пользовались их чернильницами. Для этого приходилось оборачиваться назад, так как мальчики сидели друг с другом. Хорошо помню, как уже в старших классах перед контрольной, чтобы не оборачиваться назад, мы собирали чернильницы в других классах. Надо было, чтобы на парте была хотя бы одна чернильница.

Позже, чтобы уменьшить число "маканий" в чернильницу, мы из тонкой медной проволоки делали пружинку и закрепляли на перо. Чернила держались дольше, но увеличилось число клякс. Так мы экспериментировали до тех пор, пока не появились авторучки. Сначала были игольчатые, они писали тонко и, конечно, без "нажима". Учителя ругались, запрещали, но мы отстояли своё... Теперь хорошего почерка и не встретишь.

Время летело незаметно. Много стёрлось в памяти. Вспоминаю и не могу вспомнить свою первую учительницу, но хорошо запомнил случай, связанный с ней. Из-за очередной болезни в конце учебного года я какое-то время не смог посещать школу, а в моё отсутствие была итоговая контрольная по арифметике. И моя первая учительница пришла ко мне домой (это из города на машзавод), чтобы я смог выполнить эту контрольную. Были ли такие посещения заболевших учеников правилом или это было исключением, не знаю. Но на меня это произвело такое глубокое впечатление, что помню до сих пор.

1947 год

Но вот и закончился учебный год. Впереди каникулы! Мы с другом кинулись опять осваивать окрестности и обнаружили недалеко от нас, через дорогу, строящийся двухэтажный дом. Он был уже возведен под крышу. Днем там копошились строители, а вечером он был наш. Там стоял кран "Пионер", было подвальное помещение, оконные ниши. Вообще, всё то, что было нужно нам для наших игр. Почти все вечера мы пропадали там и скоро узнали, что это строится школа для нас. Теперь мы с не-

терпением ждали 1 сентября и радовались, что школа будет совсем рядом.

И вот этот день наступил. Мы собрались перед зданием шко-

Здание школы № 7 в 1947-1949 гг.
(Фото П. Бурцевой, 2005 г.)

лы. Нас встретили наши будущие учителя. Их было всего пятеро. Вот свою вторую учительницу я помню хорошо. Это была Зинаида Григорьевна Литвиненко. Она же - заведующая школой.

Весь сентябрь этого (1947) года был отмечен торжествами по случаю 800-летнего юбилея Москвы. Этому были посвящены линейки, классные часы, выпуски стенгазет, уроки и т.п. И уж чего-чего, а то, что на моей памяти Москва будет отмечать ещё один, 850-летний юбилей, я тогда даже и не предполагал. Однако и он уже позади.

Когда мы выбегали на перемене на улицу, то видели, что рядом со школой строится еще один дом. Он был выше на целый этаж, а под крышей было круглое оконце (за это мы прозвали его "голубятней"). Это был второй дом, построенный на поселке машзавода. Оба дома теперь жилые: это дом №18 (бывшая школа) и дом №20/2 ("голубятня") по улице 14 Декабря.

Наша школа сначала была начальной. В ней было всего пять классов (из них – два первых). В классах было по 35-40 человек (судя по сохранившимся фотографиям). Отопление было печ-

ное. Рядом с печкой в каждом классе стояли большие вешалки, куда мы вешали нашу немудреную верхнюю одежду (часто это были обыкновенные фуфайки. О существовании такой одежды наши внуки уже не знают). Туда же мы и прятались, а иногда и засыпали там.

Учебников на всех не хватало. Выдавали один задачник на двоих-троих. Уроки делали по очереди. Портфели стоили дорого, поэтому были не у всех. Но многие носили учебники в полевых командирских сумках, доставшихся от демобилизованных отцов-фронтовиков. Таким ребятам очень завидовали, ведь в полевой сумке были специальные держатели для ручки и карандашей. Выглядели сумки очень эффектно, не то, что дерматиновый портфель.

Показ фильмов тоже переместился в школу. Один из классов на первом этаже приспособили под зрительный зал. И мы опять искали и находили способы проникнуть в зал бесплатно и посмотреть любимые фильмы. А смотреть мы их могли сколько угодно.

В декабре прошел слух, что будет денежная реформа, и деньги будут меняться в отношении 10:1. То есть за 10 старых рублей будут давать один новый. А тем, у кого деньги находятся в сберкассе, будут менять один к одному. Что тут началось! Целую неделю многие старались сдать свои "кровные" туда, но сберкасса в городе была одна, и люди занимали очередь на ночь. Сдать свои деньги в сберкассу смогли не все. Рабочим стоять в очереди было некогда. Ведь ещё действовал Закон военного времени, когда за опоздание на работу на 15 минут могли дать "шесть по 25". Это значит, по приговору суда опоздавший должен был выплачивать государству 25% своего заработка в течение шести месяцев. Можно представить себе тех, кто имел на руках с трудом собранные 3-5 тысяч "на черный день" при средней зарплате в 700-800 рублей. Какую сумму они могли получить после 14 декабря?! А именно в этот день была проведена денежная реформа. Хотя нынешнему поколению это тоже знакомо по гайдаровской "шоковой терапии".

Вместе с проведением денежной реформы была отменена и карточная система. Сразу после этого в городе открылся коммерческий магазин. Он располагался на втором этаже в пристройке рядом с хлебным магазином на Советской площади. А цены там были такие, что посещать его можно было лишь в качестве экскурсанта, а не покупателя.

День празднования 30-летия школы №7:
выступает бывший директор Н.И. Воскресенский;
справа от него - первая зав. школой З.Г. Литвиненко.

Денег опять не было, а одеваться-обуваться надо. Запросы тогда были скромные, люди довольствовались малым. Иногда получали кое-что по "ордеру" (был такой вид распределения, особенно к праздникам). Я уже не помню, приходилось ли оплачивать это приобретение или нет. В основном это были трофейные вещи (куртки, сапоги и т.п.) и то выдавали не всем, а лишь передовикам и ударникам. Нам, детям, тоже иногда давали что-нибудь (ботинки, например). Мы и этому были рады. Летом мы ходили в тапочках из "транспортёрки", купленных на толкучке (за 4 рубля), весной и осенью — в резиновых сапогах, зимой в валенках...

Приближался Новый год. Зима была очень снежная, дороги заносило так, что при их чистке уже получались траншеи. Машин было мало, все перевозки осуществлялись лошадьми. Для этого в ОСМУ-6 было специальное подразделение: конный двор на 30 лошадей, при каждой был конюх (он же возчик). Кроме того, была мастерская по изготовлению и ремонту конской амуниции. Люди, занимающиеся этим, назывались забытым теперь словом "шорник". Такие работники были представителями одной из многочисленных тогда артелей инвалидов.

На лошадях подвозили стройматериалы, инструменты, иногда людей. Место, где строились новые бараки, из-за удаленнос-

ти в народе называлось "Сахалин". Теперь на этом месте стоят заводские пятиэтажки. (Это район между улицами Суворова и Чапаева).

Хоть и были сильные холода, но детей дома не удержать. Тем более, что от прогулок не отвлекало ни телевидение, которого тогда еще не было, ни радио, ведь приемники тоже не получили ещё широкого распространения. И мы бежали на пруд, который был позади нашего барака, почти под окнами. Вообще-то прудов было много, ведь вся эта местность была пересечена противотанковыми рвами (на случай прорыва немецких танков), и все они были заполнены водой. Приходя из школы, мы расчищали снег и катались там на коньках. Коньки были не у всех,

В. Воронин
со своей сестрой Александрой.
Снимок 1947

лишь некоторые счастливики катались на "снегурках", а все остальные довольствовались деревяшками, окантованными проволокой, которые нам делали пленные немцы. Они строили на поселке дома и дороги. Все старые двухэтажные шлаковые дома по улицам Тургенева и Трудовые резервы построены ими.

Кроме рвов с водой, вокруг было много воронок от взорвавшихся бомб во время бомбежек Узловой немцами, и все они тоже были заполнены водой. Некоторые были очень большими.

Например, рядом с вокзалом, на территории нефтебазы, другая – на поле, где потом была построена заводская поликлиника.

К Новому году в школе нам выдали подарки. Были подарки и от предприятий, где работали наши родители. Конечно, они были простенькие, без апельсинов и шоколадок, но надо учитывать, что всего два года назад закончилась война и основная масса народа ещё бедствовала. А самое главное: все подарки тогда были бесплатными. Вообще люди тогда жили просто, без затей. Мебельного ажиотажа не было, да и некуда было ставить эту мебель. Спать есть на чем – и ладно! Уроки готовили на обеденном столе. Правда, потом умельцы наладили производство кроватей, сундуков, простеньких фанерных гардеробов и даже чугунов (очевидно, в литейном цехе завода). Всё это делалось кустарным способом дома или в сарае, но было поставлено почти “на поток”. Ведь купить тогда ничего было нельзя. При столовой был лишь небольшой хлебный магазин, где выдавали хлеб по карточкам и где мы простаивали по много часов, чтобы “отovarиться” (глагол того времени). Всё остальное: муку и папиросы, одежду и обувь, учебники и многое другое - приобретали на базаре. Там торговали даже старыми газетами (для обертки) и чистой водой (кружка – рубль, два рубля – “до отвала”).

И ещё запомнилось мороженое того времени. Тогда ещё не было ни эскимо, ни пломбира. Лоточница заполняла мороженым специальную форму, предварительно подложив вафельный кружочек, накрывала другим вафельным кружочком и выдавливала его из формы. Получалось что-то вроде бутерброда из мороженого: сверху и снизу вафли, а внутри – мороженое.

Кстати, насчет воды. Строящийся посёлок машзавода сначала не был подключен к магистральному водопроводу, и воду подвозили в цистернах два раза в день к каждому дому.

1948 год

Поселок рос и обустроивался. Вот уже рядом с нашей школой выросли ещё два двухэтажных здания. Это были общежития: мужское и женское (на фото). Теперь это тоже жилые дома по улице 14 Декабря (бывшая Центральная) рядом с автобусной остановкой.

Для подготовки рабочих строительных специальностей ещё летом 1947 года в одном из новых барakov было открыто училище фабрично-заводского обучения (ФЗО), где готовили каменщиков, штукатуров, маляров, плотников. Этот барак располагался

Жилые дома по ул. 14 Декабря
(бывшие общежития машзавода)
фото Л. Бурцевой 2005 г.

за нашим бараком, где мы жили. Бараки разделял лишь тот ров с водой, где мы зимой катались на коньках. На территории ФЗО выровняли площадку и оборудовали спортгородок, где главными спортивными снарядами были шест, канат и лестница. Нечего говорить, что мы, соседские мальчишки, мигом освоили эти нехитрые спортивные снаряды. Мы даже соревновались друг с другом: кто быстрее залезет на самый верх (обязательно под перекладину) по канату или по шесту.

К празднику 1 Мая рядом с этим училищем очень быстро (за два-три дня) построили танцплощадку, где по вечерам звучала танцевальная музыка. Сама танцплощадка была обнесена лишь низеньким штакетником. В то время танцы были бесплатными. По-моему, уже тогда на этих танцах играл духовой оркестр с незабвенным А. Стручковым. Оркестр сменяли уже упомянутые мной братья Стрижовы, а когда и им нужен был отдых – заводили патефон. Особой популярностью после войны и долго ещё потом пользовались вальсы, танго и фокстроты.

Рядом со школой росли дома для работников строящегося завода, а для подготовки будущих заводских специалистов в 1948 году открылось ещё одно училище. Называлось оно так: горно-промышленное техническое училище № 2 (потом ТУ № 5). В нем готовили токарей, сварщиков, фрезеровщиков, электриков, слесарей и других специалистов, необходимых заводу. Многие наши ребята, закончив 5-7 классов, ушли туда. Особенно те, кто был переростком. Известно, что во время войны многие были в окку-

пации и не могли посещать школу, поэтому учились, отстав от своих сверстников на 2-3 года. Их это очень угнетало, сидели они обычно на последней парте, и в основном это были ребята из вербованных семей.

Для обеспечения строительного управления и завода рабочей силой работники этих предприятий ездили по всем областям и даже республикам тогдашнего Советского Союза и вербовали людей на стройку. А тогда из колхоза в город никого не отпускали, и уехать можно было только таким путём: завербовавшись на какую-нибудь стройку. Что многие и делали. Можно с уверенностью сказать, что население Узловой удвоилось, а, может, даже утроилось именно за счёт вербованных. Приезжали из Белоруссии, Украины (и даже с Западной) целыми семьями. Особенно много приезжало молодых одиноких девчат. Оно и понятно: война отняла много мужчин, поэтому и ехали девчата, куда глаза глядят, в надежде устроить свою личную жизнь. Поселяли их обычно в отдельных бараках, жаргонное название которых потом были у всех на слуху (в связи с известными событиями, происходившими там по ночам).

Послевоенное время было смутным и тревожным. На базаре шмонали карманники, орудовали аферисты с тремя картами (прообраз будущих наперсточников), у входа на базар стояли предсказатели судьбы с морской свинкой или с попугаем, которые вытаскивали из общего ящика записку—"предсказание". По вагонам пригородных поездов ходили люди в черных очках, уверяя, что потеряли зрение на фронте, и пели песни, вышибающие у сердобольных женщин слезу и деньгу.

Люди были разные, а песни одинаковые. Например, о жестокотчиме и неверной жене:

"Милый папочка,- пишет Аллочка,-

А ещё я забыла сказать,

Вчера вечером мать велела мне...

Дядю Петю отцом называть".

Были и более криминальные случаи: летом 1948 года в посадке рядом с заводом (сейчас на этом месте гаражи вдоль железной дороги) нашли тело молодой девушки со смертельной ножевой раной, а в 1953 (или 1954) году тоже от ножа погиб молодой парень. Его тело нашли летним утром за ларьком, который прозвали "Голубой Дунай". Вообще-то это было злачное место. Там всегда были какие-то разборки, происходили драки и т.п. Ларёк стоял на самом выгодном месте (сейчас на этом

месте - сквер машзавода) и был выкрашен в голубой цвет, за что и получил это название. На 10 (дореформенных) рублей там можно было взять 150 г водки, две кружки пива и бутерброд. Причем пиво в то время не отпускали, если не брали таранку. В те давние времена тарань считалась "сорной" рыбой, вылавливали её много, и она стоила дешево. Дома у всех имелась таранка, так как в нагрузку к пиву её надо было взять не менее 500 г, а это несколько рыбин. Когда мы подросли, этого уже не было. Не было ни таранки, ни самого пива. Теперь эта рыба превратилась из "сорной" в деликатесную. А за пивом в 60-80-е годы выстраивались огромные очереди, где можно было простоять часа два. Это было не так уж давно, и многие помнят об этом. И возвращаясь к тому времени, хочется заметить, что на базаре было много забегаловок, где, не тратя много времени, можно было попить пива. И даже такой вид обслуживания был: "Вам охлажденное или подогретое?" (если в зимнее время).

Так как Приготовление уроков занимало мало времени, все оставшееся мы проводили на улице. Правда, в школе был один нудный урок, который, наверно, не знают современные школьники: чистописание.

Все 45 минут надо было старательным почерком выписывать буквы и целые слова. Это была целая наука, как писать чисто, аккуратно и обязательно "с нажимом". Лидировали в этом, конечно, девочки, а мы, мальчишки, своё брали в играх и развлечениях. Очень много свободного времени мы уделяли своеобразной игре в "жестки". Мы манипулировали кусочком свинца с прикрепленным к нему обрезком меха. Надо было стопой или коленом любой ноги подбросить этот самодельный "спортивный снарядик" как можно большее число раз, не роняя его на землю. Соревнования шли везде: на улице, в классе, в коридоре и т.д. Были даже свои чемпионы и в классе, и в школе, и на улице.

А изготовление "поджигных" пистолетов? Испытание их иной раз оканчивалось плачевно... Материалом для изготовления стволов "поджигных" пистолетов были медные трубочки, которые мы выламывали из двигателей разбитой немецкой техники (машин, бронетранспортёров), которая ещё стояла то тут, то там. Позднее всю разбитую немецкую технику отбуксировали в лощину, и те машины, вернее, то, что от них осталось, стояли там чуть ли не до 1953 года. В этой лощине проходили все наши игры, туда мы убегали с уроков, там позже был наш автодром (о нём

Разбитая немецкая техника (1950г.).
Из архива автора

будет речь дальше). И уже в 60-е годы это место заполнили водой, и там некоторое время был машзаводской пруд.

Было ещё одно опасное занятие-игра. Зимой подростки, у которых были коньки, делали из проволоки крючки и цеплялись за проезжающие машины, чтобы прокатиться "с ветерком". Были даже длинные, "артельные" крючки. Это когда за один крючок держались три-четыре пацана. Кроме физической опасности здесь была и другая. Шофёр мог внезапно остановить машину и у тех, кто не успевал убежать, срезал коньки (ведь они были прикручены к валенкам с помощью веревок и палки). Коньки, особенно "дутыши", были предметом гордости их обладателя. Их трудно было приобрести, но легко лишиться. Многие оставались в результате этих приключений без коньков, зато сын шофера мог радоваться такому неожиданному подарку: наконец-то и у него появлялись коньки.

А игры на деньги в "орлянку", в "пристенок" были распространены повсеместно. В них тоже играли и на улице, и в помещении. Вспомните фильм "Уроки французского", который демонстрировался по телевидению, где это показано очень точно.

Летом играли в "казаки-разбойники", в 12 палочек, в городки, в лапту.

О, лапта – игра бесстрашных!
Для мальчишек бесшабашных,
Сильных, ловких и умелых,

Разворотливых и смелых.
Играли мы до темноты,
Пока не видели биты.
И мяч, упругий каучук,
Не выпадал из наших рук.
И синяки не проходили,
Когда мячом по телу били...
И очень жаль, что наши дети
Уж не играли в игры эти.
(Здесь и далее стихи автора).

Мяч для игры в лапту, за неимением настоящего, вырезали из цельного куска каучука, который мы добывали из колес все той же разбитой техники, брошенной немцами при отступлении из Узловой. К строящемуся заводу вели две железнодорожные ветки, одна проходила приблизительно там, где теперь расположен крановый цех, а другая поворачивала вправо на растворный узел. Он располагался там, где сейчас находится "Компьютерный центр" (бывший хлебный магазин). Напротив, через дорогу, был гараж. На растворный узел целыми эшелонами привозили песок, а на завод - лес. Все это сгружали безо всякой системы: песок просто высыпали через нижние люки, а бревна перекидывали через стенки платформ. В песок мы прыгали с высоты вагона, а вот завалы из бревен мы использовали тоже для наших игр: наверху играли в догонялки, а внизу, в пустотах между бревнами, - в прятки. До сих пор удивляюсь, как обошлось без несчастных случаев! Ведь стоило хоть одному бревну двинуться с места, и тогда не миновать беды.

1949 год

Открытие новой школы №7

Из истории завода известно, что уже в 1948 году была выдана первая продукция. Это - простейшие механизмы, облегчающие труд шахтеров: лебедки, вагонетки и многое другое. Событие прошло незаметно, по крайней мере, для нас, школьников. Для нас событием было переселение в новое здание школы, которое состоялось в 1949 году. Это здание по тем временам было самое красивое и самое просторное из существующих школ. Новоселье состоялось в конце октября. Позднее писали, что школа №7 открылась 1 сентября, но это не так. Новый учебный год мы начали в старом здании, так как строители не успели что-то доделать к началу учебного года. Во время новоселья, как положено, были представители от администраций строитель-

ного управления и машиностроительного завода, горно, горсовета и т.д. Был торжественный звонок и все остальное.

Школа № 7 (фото 1986 г.)

В новом здании школы небольшое помещение слева от входа занимал физрук со своим спортивным инвентарем, а такое же помещение справа занимал директор школы, которым стал наш многоуважаемый Николай Иванович Воскресенский.

“Он не только учитель...

Про таких говорят,

Что он друг, воспитатель

И отец для ребят”.

Чуть позднее кабинетом директора стало небольшое помещение на втором этаже справа от лестницы, а здесь внизу разместилась небольшая школьная библиотека.

Нашим учителем физкультуры был Владимир Дмитриевич Титов, которого старшеклассники прозвали “петухом” (почему-то с ударением на первом слоге), очевидно, за его прическу. Сам хороший и разносторонний спортсмен, он и нас заставлял трудиться на его уроках. Многие от занятий физкультурой при его содействии и поддержке перешли к занятиям спортом. А некоторые из его тогдашних питомцев показывали очень даже неплохие результаты, особенно на лыжне. Как когда-то В.Д. Титов рассказывал нам, что учился в институте с самим Е. Бабичем –

знаменитым тогда хоккеистом, так и я не могу умолчать, что бегал на лыжах, вернее, начинал бегать на лыжах с самим Евгением Новиковым, учеником нашей школы, а потом участником двух зимних Олимпиад в качестве государственного тренера по биатлону.) В свое время им автор этих строк сделал следующие посвящения:

В.Д. Титову:

“Хорошим лыжником он был,
Он эту страсть и нам привил.
Он чемпиона воспитал,
А я разрядником не стал”.

Е. Новикову:

“Я с ним учился в одной школе
И на лыжах с ним гонял.
А на играх Олимпийских
Без меня он выступал.
И стал тренером по лыжам
Простой парень с Узловой...
А лыжня-то начиналась
Здесь, за школою седьмой”.

Городские соревнования по лыжам проходили на лыжне, которая действительно была проложена позади нашей школы, уходила вдаль до д. Бибиково и возвращалась назад. Так было каждую зиму. Мы, кто помладше, бегали один круг (5 км), а старшеклассники уходили на второй круг (10 км). Уже будучи десятиклассником (1954 год) на очередных городских соревнованиях Е. Новиков показал время выше первого разряда и опять занял первое место. В том же году он поступил в институт физкультуры, там выполнил норматив мастера спорта, выступал на различных союзных и международных соревнованиях, а потом стал тренером.

Здание нашей школы было двухэтажным. Сразу в вестибюле размещалась большая раздевалка, где дежурила чудесная бабушка (для нашего тогдашнего возраста). Она следила за порядком внизу и в раздевалке, давала звонок на урок и с урока. Сначала это был простой ручной звонок, а потом – электрический. Мне кажется, она тоже участвовала в воспитательном процессе: не в меру расшалившегося ученика одернет, а другого, обиженного кем-то, пожалеет. Ее не то чтобы боялись, а уважа-

ли. Уважали за ее возраст, за постоянные хлопоты, а еще больше за неприменную улыбку и ласковое отношение ко всем, от первоклашки до выпускника.

Перед лестницей, ведущей на второй этаж, справа была учительская, а слева – пионерская комната и выход на школьный двор и спортплощадку. Весь второй этаж представлял собой зал с множеством окон справа и классными комнатами слева. В конце зала, со стороны забитой запасной лестницы, была сделана небольшая сцена с занавесом. При необходимости зал быстро превращался в актовый, стоило лишь расставить скамейки, стоящие у стен. В этом зале у нас проходили все праздничные мероприятия и танцы.

О пионерской комнате надо сказать особо. Там проходили все заседания совета дружины, комитета комсомола школы, ученического комитета (учкома). В этой небольшой комнате и без официальных мероприятий всегда было многолюдно и на переменах, и после уроков. Там были подшивки пионерских и комсомольских газет и журналов, там же, оставаясь после уроков, мы делали стенгазеты и составляли различные планы, там собирались и для сбора металлолома, и для лыжных прогулок. И душой всего этого была наша старшая пионервожатая Вера Кофанова. Она знала всё и про всех. Ей доверяли то, что не

всегда доверяли учителям. И ее роль в воспитании учеников была не меньшей, чем у учителей.

Кроме здания школы, на поселке появлялись новые соцкультуробъекты. Так, в одном из вновь построенных домов по улице Трудовые резервы, дом 6, целый подъезд на первом этаже занимала почта. А в угловом доме по улице Центральной (теперь – ул. 14 Декабря), дом 1/12 накануне Нового 1950 года открылся новый магазин промышленных товаров. Жители окрестных бараков ходили туда, но не за покупками, нет. Просто посмотреть. Тогда это поражало воображение: среди бараков и такой великолепный магазин! По обеим сторонам от входа прилавки с разнообразием товаров! Привлекали внимание тюки различной мануфактуры (ситец, батист, фланель, драп, габардин, шерсть и т.д.), отечественные велосипеды “ЗиС” (с торпедовской втулкой). Украшением прилавка стал недавно появившийся радиоприемник “Урал” (пришедший на смену громкоговорителю – черной тарелке). Правда, цена его превышала сумму месячной зарплаты квалифицированного рабочего. Покупателей было мало. Позади война, нищета, голод, нужда. Если и были деньги, то все берегли их на “черный день”. Люди, пережившие войну, во многом себе отказывали, думали о будущем, откладывали рублики, опасаясь худшего. Ведь советский рубль, как писали тогда газеты, был самой устойчивой валютой в мире. Это, конечно, пропаганда, но стабильность была! Все знали, что рубль – он и через 10 лет рубль. Не то, что сейчас: если зарплату не дадут вовремя, то через некоторое время её покупательская способность намного уменьшится. Виной тому инфляция. А тогда и слова такого не знали.

Потом магазин промтоваров перевели в другой новый дом по ул. Центральной (ныне – улица 14 Декабря), дом 4, где теперь “Хозяюшка”, а освободившееся помещение занял магазин “Гастроном”. Потом долгое время там размещалась “Кулинария”. Позже и почту перевели в подвал этого углового дома, и вход в нее был со стороны ул. Тургенева, позднее там была приемная фабрики “Химчистка”]

Следует немного сказать о работе почты. Люди того времени верили печатному слову и выписывали много газет. Корреспонденцию доставляли два раза в день. Утренние газеты приносили в 10 часов утра. Интересный факт: в газетах тогда печатали объявления о разводе. Это выглядело примерно так: гражданин такой-то, проживающий там-то, возбуждает дело о разводе

с гражданкой такой-то и т.д. Недоумевая по поводу этих объявлений, о цели печатания сугубо личных проблем, читали их с большим интересом и с ещё большим азартом обсуждали это. Но никто не возмущался, по крайней мере, вслух. Да, что говорить! Тогда по заявлению, скорее по доносу ревнивой супруги, чтобы вернуть мужа семье или же просто образумить его, особенно члена партии, могли "нашкодившего" вызвать в профком, завком, партком. Разобрать его моральный облик и осудить. Пошло, дико, но так было. Это или что-то другое действовало, но разводов было меньше, люди серьезнее подходили к вопросам создания семьи, воспитания детей. Было небезразлично общественное мнение.

Сегодняшняя распущенность, разнузданность, вседозволенность – результат нынешней политики демократов. Как говорится: "за что боролись – на то и напоролись". И как результат – разводов больше, чем браков, несчётное число матерей-одиночек, брошенные дети... Бродяжничество детей раньше могло быть только после войны гражданской и Великой Отечественной. Но тогда с этим явлением быстро справились, а сейчас количество детей-бродяг всё увеличивается. И уже совсем непонятно, почему есть дети, которые не учатся, и никому до них нет дела. Пусть усмехнутся нынешние борцы за свободу. Только вот свободу чего?

4-й класс
школы № 7
(1949 г.)

- Слова? Мысли? От обязанностей? Пожалуй, главным и только теперь оцененным завоеванием было три права: право на труд, право на бесплатную медицинскую помощь и право на образование. В те годы образование было всеобщим. Сначала начальное, потом семилетнее и уже после Великой Отечественной войны – среднее. Был даже такой воспитательный приём, как исключение из школы. Это была крайняя, но действенная мера, и применялась она редко. Мы называли её “отлучением от школы”, т. к. срок её действия не превышал двух недель, хотя исключали не на какой-то срок, а навсегда. Быть исключённым из школы считалось позорным. Кстати, таким же позором покрывались ребята, которым по каким-либо медицинским показаниям нельзя было служить в армии. А служба в армии была необходимой и почётной обязанностью каждого молодого человека. Ни у кого даже мысли не возникало избежать призыва. До чего же довели нашу армию, что молодёжь боится идти служить!

Дисциплина была на высоте везде: и в армии, и на гражданке. По проходящим мимо скорым поездом безошибочно определяли время. На перроне был установлен колокол, в который при отправлении поезда звонил дежурный. Кроме отъезжающих, на перрон никого не пускали. Провожаящим, чтобы пройти, надо было приобрести перронный билет. Так было ещё до постройки нового вокзала, который был открыт в 1950 году.

Кстати, платным был и вход в парк, но, конечно, не для нас, пацанов. Мы всегда находили способ попасть туда бесплатно. Откуда в то время у подростка могли быть деньги? Постепенно всё это было отменено. И как тут не вспомнить фразу нашего вождя: “Жить стало лучше, жить стало веселее”.

Это доказывало и ежегодное снижение цен. Теперь демократы пишут, что это был пропагандистский трюк, что цены были изначально непомерно завышены, а потом их понемногу снижали. Пусть трюк! Но ведь снижали!! Что лучше было бы, если бы не снижали? Начиная с 1948 года, было проведено несколько снижений цен. Оно проводилось на всё и в среднем на 10-15%. Казалось, это стало традицией, но всё закончилось в 1953 году. Больше снижений цен не было. Тем не менее, все привыкли, поэтому с нетерпением ждали марта, чтобы узнать, на что и на сколько будут снижены цены.

За давностью лет многое позабылось, но самым скептически настроенным читателям могу порекомендовать статью в еженедельнике “Аргументы и факты” №17 за 1999 год. В ней напоми-

нается о последнем снижении цен. И там же сделан вывод: в результате этих снижений в 1953 году цены на товары стали ниже почти в два раза (!) по сравнению с 1947 годом. Не слабо?

Хорошо помню, как люди собирались у кого-то одного, хотя "тарелки" - громкоговорители тогда были у всех, готовили бумагу, чтобы записать всё о снижении цен, ничего не пропустить. А утром бежали в магазин, а там их встречали невыспавшиеся продавцы: им всю ночь с работниками ОРСа пришлось писать новые ценники, менять прејскурант. А люди радовались и с удовольствием подсчитывали экономию.)

Очень запомнились тогдашние кампании по проведению выборов. Обычно это был праздник! Во-первых, кампания начиналась месяца за два до официальной даты выборов. Всё это время

составлялись, проверялись, перепроверялись списки избирателей (не дай, Бог, кого-нибудь пропустить!). Всё это время работали агитпункты, там дежурили люди, были газеты и другая пресса. Во-вторых, каждый (подчёркиваю, каждый) избиратель почти за месяц до выборов лично получал приглашение прийти на выборы и отдать свой голос за блок коммунистов и беспартийных (как тогда писали).)

Приглашение было выполнено на добротной плотной бумаге и выглядело, как праздничная открытка. Сюжеты открыток, конечно, отвечали духу того времени, но как они не похожи на сегодняшние приглашения. Теперь их печатают на невзрачной серой бумаге и кидают в почтовый ящик за день до

выборов - одно приглашение на всю семью.

Так было много лет подряд, и лишь в этом году Центральная избирательная комиссия решила вернуться к прежней практике приглашения на выборы: теперь каждый избиратель опять по-

лучает персональное приглашение. Но как показала прошедшая избирательная кампания, процент пришедших на выборы не увеличился. Слишком много обид накопилось у народа, народ перестал верить и надеяться. А "надежда умирает последней". Что дальше?

В советское время по каждому избирательному округу баллотировался один единственный кандидат. И каждый избиратель мучился одним вопросом: почему кампания называется выборами, а выбирать не из кого? Этот вопрос, как заноза, сидел в голове.

При робкой попытке получить на него ответ наши косноязычные официальные лица что-то мямлили и никогда не давали вразумительного ответа, который бы удовлетворил народ.

Зато сейчас в глазах рябит от количества кандидатов на тёпленькое место.

И ещё. Сбылось предсказание Ленина, что "каждая кухарка может управлять государством". Чтобы удостовериться в этом, надо проштудировать списки кандидатов-самовыдвиженцев. Кого там только нет! В Думу баллотируются и милиционеры, и врачи, и учителя (прошу прощения, ничего против них как специалистов не имею), и даже домохозяйки, пенсионеры и, так называемые, временно не работающие.

В то далёкое время пунктов голосования было мало, ведь население посёлка было ещё малочисленным. В конце 40-х пункт голосования был в конторе строителей, а позже – в клубе и в школе. Уже с утра в день выборов там не умолкала музыка, толпился народ, царило неподдельное веселье. Работал буфет. Даже уже проголосовавшие не торопились уходить. Смолкала музыка, и начинался бесплатный показ фильма, его сменял концерт художественной самодеятельности, потом танцы и снова фильм. Явка была стопроцентной.

Выборы начинались в 6 часов утра и заканчивались в 12 ночи. Обычно народ собирался задолго до начала голосования, до обеда почти все опустили свои бюллетени, и только машинисты поездов являлись к вечеру (после поездки). Они голосовали уже в гордом одиночестве. Глубокой ночью вскрывались урны, и члены комиссии не знали, что делать: подсчитывать голоса или читать пафосные надписи на обороте чуть ли не каждого бюллетеня. Обычно эти надписи адресовались Сталину независимо от того, за кого голосовали. У нас в то время всегда баллотировался Каганович (не зря главная улица в Узловой тогда носила

его имя. Теперь это улица Советская), или Шкирятов (сейчас этого деятеля с такой фамилией уже забыли).

Обставлены выборы были всегда очень пышно и помпезно: музыка, цветы, транспаранты, лозунги и мы, пионеры, у урны, как часовые. При опускании кем-нибудь бюллетеня в урну пионеры должны были отдавать салют. Надо было простоять так 30 минут, потом становился кто-нибудь другой. И обязательно двое: мальчик и девочка. Правда, стояли так только в утреннее и дневное время, когда был самый наплыв избирателей.

Когда мы стали комсомольцами, наши функции изменились. Теперь мы были помощниками у наших учителей – членов избирательной комиссии. У них были свои участки на 100-150 человек избирателей, и мы уже с утра, взяв адреса, бегали по домам и квартирам и торопили их идти на голосование, иной раз не дав позавтракать. Сейчас понимаю, как мы надоедали, но тогда никто не роптал (по крайней мере, вслух). Нам сбегать несколько раз было не трудно, для нас это было вроде игры. Но что поделаешь, тогда было такое время. Мы торопили, избиратели не роптали. Все знали: так надо!

Вообще, что касается детских и юношеских идеологических организаций, хочется сказать следующее: мы, дети, много не понимали тогда, поэтому вступали в пионеры и в комсомол, как только подходил возраст. Все вступали, это была норма жизни. И я сейчас не очень-то верю, когда кто-нибудь пишет задним числом, что не был пионером или не вступал в комсомол по идеологическим соображениям. Какие идеологические соображения?! Люди жили, как зомбированные, все подчинялись написанным законам, традициям...

Про пионеров вообще говорить нечего, это был бессознательный возраст. Что может понимать в политике ребенок девяти-десяти лет? Именно в этом возрасте весь класс выводили на линейку и всех принимали в пионеры. Другое дело, за неблагоприятные поступки могли исключить из пионеров, и это было серьезное наказание. Обычно оно получало широкий резонанс. Класс и даже школу с таким прецедентом потом долго упоминали во всех отчетах, как результат упущения в воспитательной работе данного педагогического коллектива. Об этом в то время Сергеем Михалковым (ныне здравствующим классиком детской литературы) была написана пьеса и даже снят фильм "Красной галстук".

Что касается комсомола, то тут другое. Кто-то мог остаться в

стороне, не быть комсомольцем. Но это где-то в глуши, в малолюдной организации. И то, если молодого человека призывали в армию, его срочно принимали в комсомол. Если даже он и в армию прибывал не будучи комсомольцем, его опять тут же принимали в комсомол. Защитник Родины не должен был быть не комсомольцем! На этом была построена вся тогдашняя агитация и пропаганда.

Теперь вместо пионерской организации пытаются наладить скаутское движение. А что это такое? Это то же самое, только разные названия: пионер – значит “первопроходец”, а скаут – “разведчик”. Не одно ли и то же? И галстук на шее тоже есть (только другого цвета). И вместо комсомола что-то изобретают. Недавно в средствах массовой информации прошло сообщение, что создаётся новая молодёжная организация под названием “Молодая гвардия”. Ну, чем не комсомол? Даже название соответствующее.

Значит, не так уж это было плохо. По крайней мере, молодежь имела какие-то цели, была организована, на кого-то равнялась. И патриотизм ей был не чужд. А сейчас? Волевым решением изменили идеологию. Проще сказать, поставили всё с ног на голову. А люди что? Они, как и раньше, подчиняются тем принципам, которые проповедают. Тогда проповедовали, что “религия – опиум для народа”, - и пошли погромы. Теперь проповедают обратное – и люди сразу надели кресты, причём не на тело (крест-то ведь и называется нательным), а часто поверх одежды, или, по крайней мере, так, чтобы он был виден. Опять приспособление к условиям. Снова зомбирование?

И до чего дошло. Многие бывшие коммунисты кинулись в другую крайность, они мигом стали верующими. То были “воинствующими безбожниками”, разрушали храмы, жгли иконы, ссылали священнослужителей, а теперь стоят в храме и крестятся. Бывшие парторги поздравляют друг друга с Пасхой и другими церковными праздниками, не зная истинного значения этих самых праздников. А сейчас вообще пошёл беспредел: празднуем христианские православные праздники, в душе оставаясь язычниками, а нам ещё навязывают католические: Хэллоуин или День святого Валентина.

Для того, чтобы разнообразить досуг машиностроителей, в 1949 году на поселке был открыт клуб. Это был такой же барак, как и все остальные. Он давно уже снесен, но простоял дольше всех. После открытия Дворца культуры машиностроителей в том

бараке одно время размещался техникум тяжелого машиностроения (в то время вечерний), а позже контора ЖКО.

Клуб (на фото) стоял на ул. Центральной на самом оживленном месте, напротив дома №18, где еще недавно размещалась школа. Сейчас на этом месте – магазин “Домашний уют”. Одну

половину этого барака занимал зрительный зал с наклонным полом (как во всяком настоящем кинотеатре), а на второй половине разместилась библиотека с читальным залом (!), где, кроме книг, можно было взять шахматы, шашки и тут же поиграть. На этой же половине были комнаты для занятий художественной самодеятельностью и репетиций духового оркестра и даже небольшой книжный магазин.

Это был хороший подарок во всех отношениях! До этого фильмы демонстрировались в непригодном для этого помещении школы, а в библиотеку и в книжный магазин ходили в город. Городской книжный магазин (мы называли его “Когиз” по вывеске на нем, что означало, как мы потом узнали: книжное объединенное государственное издательство) располагался тогда в приземистом ветхом здании неизвестно какого года постройки на том месте Советской площади, где потом построили ателье “Весна”, а сейчас там располагается городское “Теплое хозяйство”.

В заводском книжном магазине продавались книги, картины, канцтовары и был даже отдел по продаже открыток и марок. Было очень удобно: все рядом, а мы зачарованно смотрели на застекленный прилавок, где были представлены почтовые марки, посвященные героям Великой Отечественной войны.

На много лет, вплоть до открытия в январе 1957 года Дворца культуры, этот барак стал центром культурной жизни молодого растущего поселка машиностроителей. Помимо кино, в этом

клубе проводились лекции, собрания, концерты заводской художественной самодеятельности, концерты артистов из Москвы, танцы. Здесь всегда было многолюдно, а мы, подростки, не пропускали ни одного мероприятия, посещали даже лекции, а их было много (на международную тему, по астрономии, по этике, по эстетике и т.д.)

Запомнился один из тогдашних заведующих клубом с интересной фамилией Чуплешкин. На одном из концертов он удивил нас невиданным раньше номером: бесконечно вынимал из рта шарики от настольного тенниса. Теперь этот фокус каждый ребенок знает, а тогда...

А каких московских знаменитостей видели мы там! К нам приезжали певцы Бунчиков и Нечаев, артисты кино Б. Андреев и М. Жаров, прославленный летчик М. Громов и мн. др. А какая художественная самодеятельность была в клубе в то время! До сих пор в памяти певцы, танцоры, рассказчики и их номера. Задорно выступал молодой Анатолий Липатов с плясками "Яблочко", "Цыганочка" или "Вальс-чететка". А до него был парень еще моложе по фамилии Колышкин. Замечательно пели Виктор Квартин, Вера Стребкова. Незабываемое впечатление оставил дуэт А. Моисеева и В. Зенкина с песней "Демобилизованные фронтовики".

Вспоминая художественную самодеятельность того времени, нельзя умолчать о духовом оркестре. Эти два слова надо бы писать с большой буквы. Духовой оркестр был неизменным и главным участником всех праздников: будь то 1 Мая или 7 ноября, встреча Нового года или празднование Победы 9 Мая и т.п. В эти дни оркестр звучал уже с утра, а демобилизованный воин Александр Стручков в своей выгоревшей гимнастерке дирижировал и солировал на трубе. Ноты участникам оркестра держали уже не мы, а наши младшие товарищи. Мы уже подросли, и некоторые из нас сами были участниками этого оркестра (Е. Пефти, В. Фролов и др.)

Еще запомнился один участник художественной самодеятельности, который своими юмористическими рассказами доводил публику до слез. Это был В. Макаров.

Фильмы в клубе стали демонстрироваться чаще, в фойе клуба стоял щит, на котором на месяц вперед был расписан план культурно-массовой работы клуба (фильмы, лекции, концерты и т.п.). Деньг для посещения фильмов у нас не было, и мы опять искали способы бесплатного проникновения в зал. Но даже если

и были деньги, мы не спешили приобретать билеты, для нас было гораздо интереснее посмотреть кино бесплатно. Это был уже спортивный интерес. Ведь мы один и тот же фильм смотрели по несколько раз, где уж тут наготовиться денег?

Одно время мы довольно успешно подклеивали билеты. Для непосвященного читателя придется объяснить суть этого способа. Билетер при входе отрывал корешок билета, где было написано "Контроль" и выбрасывал в урну. Утром следующего дня мы подбирали эти корешки и подклеивали их к уже использованным билетам. Причем, не клеим, а вареной картошкой. Главная особенность состояла в том, чтобы подобрать и билет, и корешок одинакового оттенка, а место склейки не должно было быть видным на просвет. Не все могли добиться этого, но были умельцы, которые делали это филигранно.

Еще один способ состоял в том, что мы увеличивали нарицательную стоимость билета. Делалось это так: покупался билет на дневной сеанс стоимостью 1 руб., потом с помощью "жирного" черного карандаша цифру 1 превращали в цифру 4 и на вечерний сеанс на этот билет шли уже вдвоем (детям было разрешено на билет высокой стоимости проходить вдвоем).

Были и другие способы попасть в зал без билета. Надо было принести фильм (а это две коробки по 6 бобин в каждой) из кинопроката, который тогда располагался в одноэтажном покосившемся домике по ул. Пролетарская (это приблизительно там, где сейчас расположена поликлиника №3). В клубе киномехаником был дядя Петя Турчак, а супруга его была билетершей. Транспорта у него не было, и вот он нанимал себе "рабов", чтобы доставить эти коробки в свою кинобудку. Коробки были очень неудобными – металлические с острыми краями. Приходилось приспосабливать их за спиной с помощью проволоки, как рюкзак. Но зато фильмы мы могли смотреть прямо из кинобудки.

И самый легкий способ попасть в кино бесплатно – это принести фанерный щит-афишу назад. Афиши для фильмов писались на фанерных щитах и выставлялись в наиболее выгодных местах: у проходной машзавода, у тогдашнего магазина №23 и у магазина, который носит теперь название "Хозяюшка". За афишами было своеобразная очередь: кому сегодня принести ее к последнему сеансу, чтобы не оставлять на ночь.

А уж когда мы сбрасывали снег с крыши клуба, чтоб не протекло (крыши и тогда были плохими), то могли ходить в кино чуть ли не целый месяц.

Клуб открылся в конце года премьерой двухсерийного фильма "Молодая гвардия". Мы, конечно, были в числе первых и самых благосклонных зрителей. Еще бы! Совсем недавно окончилась война, еще свежи были воспоминания об оккупации, еще каждый день мы видели пленных немцев, которые помогали строить завод и поселок. И мы – дети военного времени – играли в войну, читали про войну и любили фильмы про войну.

Отечественных фильмов тогда было мало, выходили они редко (позднее это время назовут малокартиньем), и мы с нетерпением ждали новых кинокартин и, конечно же, про войну. Позже вышли еще два опять же двухсерийных фильма. Это были "Сталинградская битва" и "Падение Берлина". Сняты они были в духе того времени, прославляли "единственного творца Победы", новоиспеченного генералиссимуса, поэтому были пафосны, помпезны, но мы тогда этого не замечали. Об этом напишут позже и лишат возможности посмотреть их теперь новым взглядом. (Хотя фильм "Падение Берлина" как-то демонстрировался по одному из каналов телевидения, но в очень раннее время).

Были еще два фильма, которые мы могли смотреть столько раз, сколько раз могли попасть в зрительный зал. Это "Подвиг разведчика" с красавцем П. Кадочниковым в главной роли и "Смелые люди". Последний был снят по заказу Сталина, как писали позже, и был первым советским приключенческим фильмом на военную тему. Все были в восторге от этих фильмов, особенно мы – подростки. А исполнитель главных ролей в фильмах "Молодая гвардия" и "Смелые люди" молодой артист (как оказалось – тоже участник Великой Отечественной войны) Сергей Гурзо стал нашим кумиром, потеснив даже наших прежних любимцев Бориса Андреева, Николая Крючкова и Петра Алейникова.

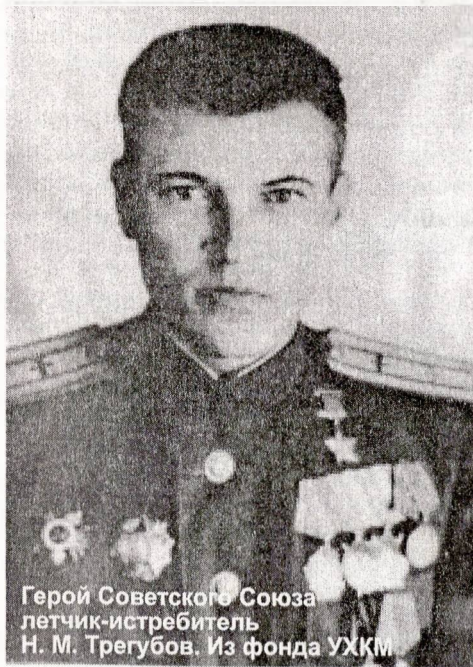
1950 год

1950 год запомнился похоронами Николая Трегубова, летчика-истребителя, Героя Советского Союза. Ему было всего тридцать лет. Погиб Трегубов уже в мирное время, спасая самолет. Это случилось во время плановых полетов в части, где он продолжал службу после войны. Тогда говорили, что он готовился к авиационному параду, которые в те годы проводились ежегодно в Тушине и приурочивались к Дню авиации. Это были грандиозные праздники с привлечением большого количества самолетов. Руководил этими празднествами командующий авиацией

МВО (Московского военного округа) генерал-майор Василий Иосифович Сталин, с которым Н.М. Трегубов в свое время учился в Качинском авиационном училище.

Прах Н.М. Трегубова был доставлен на родину. Был июль — макушка лета. И погода была как на заказ. Казалось, что вся Узловая высыпала на улицу, чтобы проводить героя-земляка в последний путь. Захоронение состоялось в Байбаковском саду рядом с братской могилой советских воинов, погибших при освобождении Узловой. Там же была могила И.М. Беклемищева.

Герой Советского Союза
летчик-истребитель
Н. М. Трегубов. Из фонда УЖКМ.

Недалеко был небольшой пруд, засыпанный после перезахоронения праха Трегубова, Беклемищева и погибших воинов, в центре города. Сейчас на этом месте гаражи швейной фабрики.

Захоронение Н.М. Трегубова было проведено по высшему разряду: с оркестром, с венками, с речами друзей, товарищей и сослуживцев. От военкомата, где военным комиссаром в те годы был полковник Шоркин, прах героя-летчика сопровождал взвод военнослужащих, и над могилой по тогдашней военной традиции был дан трехкратный ружейный залп.

И как это случается у нас: мероприятие провели и забыли. Ухаживать за могилой, поддерживать там чистоту и порядок пришлось немногочисленным родственникам Трегубова. А ведь эта могила была не на кладбище, а в специальном месте, отведенном героям.

Автору этих строк тоже пришлось принять участие в благоустройстве этого захоронения. Через год после этого печального события брат Николая Трегубова, работавший на машзаводе связистом, попросил своего друга В.М. Дрожжина помочь ему в благоустройстве могилы своего брата. Дрожжин привлек автора этих

заметок как своего соседа по бараку. А потом были поминки опять же по русскому обычаю. Они состоялись в том же доме, откуда Николай Михайлович Трегубов ушел в большой полет.

Вообще-то братских могил в Узловой и прилегающих селах после войны было много. Одна из них была на территории старого стадиона. Во время войны на стадионе рядом с футбольным полем располагался расчет зенитной пушки, оборонявшей Узловую от налетов немецкой авиации. Наш город, как важный транспортный узел, во время войны часто бомбила немецкая авиация. При одной из бомбежек весь расчет этой пушки погиб от прямого попадания немецкой бомбы, и бойцы расчета были захоронены там же, на том месте, где они встретили свой последний час.

Такая же участь постигла и расчёт зенитной пушки, состоящей из девушек, одной из которых была Октябрина Смирнова. Этот подвиг увековечен памятником, который известен всем узловчанам и который после многочисленных перемещений теперь установлен на развилке окружной дороги. Там же стоит и сама пушка.

Фигура девушки в шинели и с биноклем в руках хорошо видна всем пассажирам маршруток, следующим в Тулу, Новомосковск и в Узловую.

Много могил было в лесопосадках, которые окружали Узловую зеленым поясом. Позже (1967год) все захоронения были перенесены в одну братскую могилу, которая находится в центре города у Свиридовского пруда, и где горит Вечный огонь.

Улицу, на которой жил Н. Трегубов (1-я Садовая), называли его именем, но дом, где он родился, не сохранился. Его снесли при строительстве Районного узла связи (РУСа), который перегородил улицу имени героя, а на

Дом, где родился Н. М. Трегубов.
Фото 1990 г. (Из фонда УХКМ)

месте, где стоял его дом, теперь пустырь. “Улица-то имени Трегубова, а памятник на ней – Завенягину...”, – как-то горько посетовала Татьяна Сергеевна, вдова Трегубова. Мы с ней одно время были соседями по дому. И она права: и Завенягин, и Трегубов – герои (один из них – дважды), оба достойны увековечивания в памяти земляков, но получилось не совсем тактично. Многие узловчане удивляются этому несоответствию.

Что касается названия улиц и их переименования, то хочется сказать об одной из главных улиц в Узловой. Раньше она называлась улицей Центральной, а потом ее переименовали в улицу 14 Декабря. Преследовалось благое намерение: увековечить факт освобождения Узловой от немецко-фашистских захватчиков. Но что получилось? Кроме того, что новое название улицы не очень-то благозвучно (может, лучше было бы – улица Освободителей?), это сочетание числа и месяца дает пищу для размышления: чем же связан город с восстанием декабристов в 1825 году (как известно, оно произошло именно 14 декабря), если город как поселение был основан почти на 50 лет позже?

И, кажется, в том же 1950 году уже при И.И. Федунце – новом директоре завода – открылся пионерский лагерь. Мы, если сами не отдыхали там, ездили на машинах, которые выделял завод в родительские дни, посетить приятелей, побродить по лесу, а иногда и поиграть в футбол настоящим кожаным мячом. Правда, надувать его приходилось всем по очереди. Насосов специальных не было, вот и приходилось одному дуть в ниппель, а другому затыкать ему ушные раковины.

Были и курьезные случаи, связанные с такими поездками. Однажды при возвращении из лагеря нас в дороге застал сильный дождь. Мы, конечно, намокли и продрогли, ведь машины были открытые, но не это нас волновало. Главное, что дороги тогда были грунтовые, стоило пройти дождю, и передвижение по ним становилось проблематичным. Так случилось и с нами: на подъеме у села Высоцкое машина застряла и самостоятельно выбраться не могла, как мы ни старались помогать. Других машин долго не было, а когда нам помогли преодолеть подъем, было уже около двенадцать ночи. Родители уже с ног сбились, разыскивая нас. Ведь мы не думали, что так задержимся, а куда едем – не сказали.

Вообще, в те годы администрация строящегося завода уделяла большое внимание отдыху своих рабочих. Каждое воскресенье (выходной был один при шести 8-часовых рабочих днях)

выделялись машины (автобусов еще не было), оборудованные скамейками и небольшой будкой из фанеры, которая не спасала от дождя. Но людей это не пугало. По утрам собирались семьями, компаниями и отправлялись в Александрийский или Красный леса, в Шаховское или даже в Москву (на Тушинский авиационный парад, например). Мы, подростки, были непременно в первых рядах. Нас никогда никто не прогонял, никто не глядел косо, понимали, наверное, что через несколько лет и мы тоже вольемся в трудовой коллектив завода. В места отдыха выезжали буфеты, так что и там всегда можно было перекусить и не только... Но пьяных и дебоширов никогда не было. В Москву тогда ездили не через Каширу, а через Тулу и Подольск. Запомнился один из шоферов, который всегда был ведущим колонны, состоящей из нескольких автомашин. Звали его Игорь Болото (очевидно, от фамилии Болотов или Болотников).

Поселок машиностроителей продолжал строиться, росли новые дома по улицам Тургенева, Трудовые резервы и на одноименных переулках. Тогда же администрация города выделила машиностроителям участок для индивидуального строительства. И вот на окраине поселка на бывшем колхозном поле недалеко от деревни Бибиково закипело строительство. Люди, прибывшие на строительство завода, были в основном из деревень, они соскучились по прежнему сельскому образу жизни, им опять захотелось иметь свой дом, разбить небольшой сад и развести домашний скот. За короткое время (1950-1955 гг.) возник так называемый индивидуальный поселок, основой которого стали улицы Фрунзе и Чапаева. И многие из поселившихся здесь приобрели корову; в то время на этом поселке было такое стадо, что приходилось нанимать пастуха.

Открывшийся клуб машзавода привлек в свои стены добрую половину посетителей главного очага культуры в то время – клуба железнодорожников. Чтобы освежить в памяти историю этого клуба, надо вспомнить, что само здание было перестроено под клуб в 1927 году. Долгое время на улице Кагановича (бывшей Грязевой, потом Советской) стояла разрушенная церковь, при завершении строительства которой в 1910 году рухнул купол. И вот в ноябре 1927 года несостоявшийся религиозный храм превратили в храм культуры.

В течение 30 лет это был главный и основной культурный центр города. Клуб машзавода обслуживал своих зрителей, в основном, жителей поселка машзавода и не составлял боль-

шой конкуренции старейшему клубу железнодорожников. В этом клубе всегда проходили городские праздники, пионерские слеты, комсомольские форумы, смотры школьной художественной самодеятельности, концерты, лекции и т.п. Клуб железнодорожников славился своим драматическим коллективом, а гордостью клуба были спектакли по пьесам писателей-классиков, с которыми этот коллектив гастролировал даже в Москве. До открытия Дворца культуры машиностроителей все фильмы в городе здесь шли первым экраном. Справедливости ради надо сказать, что, кроме этих двух клубов, в городе был еще один –

Друзья детства (фото 1953 г.)

клуб шахтеров, который располагался в длинном здании барачного типа недалеко от административного здания треста «Молотовуголь». Теперь в здании треста – детская музыкальная школа, а в здании шахтерского клуба – одно из городских ЖЭУ. Кинотеатра «Мир» еще не было.

Пользуясь правом первого экрана, в клубе железнодорожников в 1950 году был показан нашумевший фильм «Тарзан». Этот фильм очень запомнился нашему поколению по многим причинам. После просмотра этого фильма в лексиконе подростков даже появился новый глагол, не отраженный ни в одном сло-

варе: тарзанить.

Фильм был, кажется, последним из показанных после войны трофейных фильмов. Всего было четыре серии, каждая имела свое название и свой сюжет. Прошли они не сразу, а с большими промежутками по времени. Фильм был сенсацией, такого мы еще не видели. В этом фильме рассказывалось о приключениях Тарзана (то ли в джунглях южной Америки, то ли Африки). По сюжету это был ребенок, воспитанный обезьянами. Первая серия

была посвящена жизни и приключениям выросшего Тарзана до встречи с Джен, которую он похитил у группы исследователей джунглей и которая потом никак не хотела покидать Тарзана добровольно (кадр из которого показан на фото из архива автора).

Похитить-то он похитил, но, оказывается, не знал, что делать с красавицей Джен, одетой, вернее, раздетой, как сегодняшние эстрадные звезды. Поэтому в следующей серии сердобольные авторы подкинули ему сына. Серия так и называлась "Тарзан находит сына". Сюжет серии до предела наивен (по нашему сегодняшнему разумению): в джунглях, где верховодит Тарзан, которому подчиняются все звери (львы и слоны в том числе), терпит аварию самолет. При этом в живых остается один ребенок, которого, конечно, находит сильный и благородный Тарзан, у которого уже есть Джен. Слава Богу, можно было вздохнуть: теперь семья полноценная, появился сын.

В последней серии рассказывалось о приключениях Тарзана в Нью-Йорке. Главной героиней во всех приключениях наравне с Тарзаном была Чита – уморительная обезьянка. Именно ее поведение на экране и вызывало взрывы хохота в зале.

Узнав про этот фильм, мы не могли ждать, когда его покажут у нас на машзаводе. Чтобы посмотреть его, мы сбегали с уроков целыми классами. Это была не "наша территория", и фокусы с подклеиванием билетов могли не пройти, а других способов проникнуть в зрительный зал бесплатно здесь не находилось. Приходилось раскошелиться на билеты.

Но и взять билеты было не просто, ох, как не просто. Казалось, что все подростки Узловой собрались в одно и то же время в одном месте. Касса железнодорожного клуба была сразу у входа. Там был небольшой тамбур у окошечка. Очереди, как таковой, не было. Была толпа шевелящихся подростков. Билеты брались с боем. Кого-нибудь одного, самого легкого и ловкого, проталкивали к заветному окошечку буквально по головам. Один брал билеты почти на весь класс. Потом этого трюкача вытаскивали из толпы помятого, без пуговиц, но с билетами, и мы, счастливые и окрыленные, мчались в зал. Обычно наши места были на балконе, но такая мелочь нас не расстраивала. Не пугала нас и завтрашняя взбучка в школе и дома за срыв уроков.

В этом впервые виденном нами приключенческом фильме было много погонь; борьбы главного героя со львом, крокоди-

лом; много прыжков с дерева на дерево с помощью лиан и других умопомрачительных трюков. Здесь замечательно были показаны все животные, их способы охоты и борьба за выживание, вдобавок ко всему, главного героя играл не артист, а спортсмен, чемпион мира и Олимпийских игр по плаванию. От этого фильм только выиграл: артисту там делать было нечего, диалогов — минимум, зато полно съемок с погонями, прыжками, нырянием, плаванием и другими трюками.

Посмотрев этот фильм, все мальчишки заразились Тарзаном: не пропускали ни одного дерева, ни одной подходящей перекладины, чтобы не покачаться на них. Делали из проволоки длинные крючки, накидывали их на ветки дерева или на строительные леса и "тарзанили". А строящихся домов, окруженных строительными лесами вокруг, было много, поселок строился.

На этих же лесах, рискуя сорваться вниз, мы резвились, цепляясь руками за горизонтальные перекладины, и спускались вниз по вертикальным трубам ("как Тарзан"). И при этом, подражая ему, пробовали кричать, как он.

Очень долго мы трудились,
 Как Тарзан, кричать учились,
 Как Бродяга, каждый пел,
 И кое-кто в том преуспел.

О фильме "Бродяга" разговор впереди, а здесь остается сказать, что, действительно, кое-кому из нашего окружения удалось имитировать тот сводивший нас с ума крик Тарзана.

На следующий день после прогула уроков мы, тихие и пристыженные, возвращались в школу. Мы давали слово, что больше такое не повторится, но соблазн был велик: впереди были еще серии, и мы опять "срывались" с уроков. Правда, мы подгадывали так, чтобы уроки были не основные, а так... вроде таких, как ботаника, зоология или, например, основы Дарвинизма.

Из всей ботаники запомнилось то, что много внимания было уделено учению "народного академика" Лысенко, который утверждал, что яровую пшеницу можно превратить в озимую и наоборот. Но не совсем было ясно, зачем это делать, если есть отдельно и яровая пшеница, и озимая.

Из предмета "Основы Дарвинизма", который мы изучали целый год, запомнилась только одна фраза: "Труд сделал из обезьяны человека".

В общем, предметы были не профильные, и это не очень отражалось на нашей успеваемости.

Делая уроки, мы одновременно слушали радио. Ведь громкоговоритель в виде черной тарелки был в каждой комнате барака, где еще жила основная масса населения поселка. Такие "тарелки" у многих висели на стене еще и в шестидесятые годы прошлого века.

Приметой того времени были такие передачи, как "Пионерская зорька", "Клуб знаменитых капитанов", "Запомните песню".

По вечерам мы слушали радиопостановки в цикле "Театр у микрофона". Любили мы слушать оперетты: "Сильва" И. Кальмана, "Девичий переполох" и "Трембита" Ю. Милютина, "Вольный ветер" И. Дунаевского и др. Особенно часто транслировали оперетту Б. Александрова "Свадьба в Малиновке". Для прослушивания этой оперетты наши родители вместе с нами собирались у кого-нибудь из соседей, чтобы попереживать героям оперетты вместе, тут же бросить реплику-другую по поводу внезапного возвращения Назара домой, но не узнанного женой. Или посмеяться над шутивными куплетами Яшки-артиллериста.

Потом эти оперетты были перенесены на большой экран. Все эти произведения были красочные, шумные, музыкальные, большей частью комические зрелища. Мелодичная, легко запоминающаяся музыка... И сейчас не совсем понятно, почему оперетты не ставятся и не показываются? А на подмостках столицы и на телевидении рекламируются зарубежные мюзиклы ("Норд-Ост" и др.) Ведь там то же самое: диалоги, шутки, музыка, танцы, т.е. все то, что является обязательным набором для оперетты. А советская оперетта выросла из старого доброго русского водевиля!

Как только открылся клуб машзавода, культурная жизнь поселка заметно оживилась. Даже встреча очередного Нового года проходила намного заметнее. Запомнилась первая общественная елка, установленная рядом с уже известным ларьком "Голу-

бой Дунай". Елка была прекрасная, высокая и пушистая, привезена из венецкого леса. Игрушек и гирлянд на ней было не густо, но зато рядом с елкой стоял огромный Дед Мороз в человеческий рост, а на елке – такой же большущий Кот. Если не ошибаюсь, не елка вращалась, а вокруг елки вращался кот. Сразу вспоминалось пушкинское: "И днем, и ночью Кот ученый..."

Если кто-то из читателей начнёт прикидывать, в каком году это было, заглядывая в современный восточный календарь (где каждый год имеет кличку: лошадь, собака, кот, свинья и т.д.), то напрасно. Скажу сразу, что за давностью лет точную дату той памятной ёлки сказать затрудняюсь, но кот на ней ни о чём не говорит. Если и есть совпадение с восточным календарём, то это чистая случайность.

Хочу заметить, что в то время ни о каких восточных календарях в печати и речи не было. У нас свои привычки, обычаи и традиции, мы ими гордились, мы их соблюдали.

Тогда жили без оглядки на других, ни под чью дудку не плясали и вообще ни Восток, ни Запад НАМ был не указ!

Рядом с елкой была сооружена ледяная горка, где до поздней ночи не смолкал визг ребятишек и оживленный разговор подростков. Были елки и потом, они менялись, менялись и места их установки, но та елка запомнилась больше всех.

Сама встреча Нового года проходила в клубе. В ночь с 31 декабря на 1 января начинался Новогодний бал с елкой, с песнями, с танцами, с концертными номерами, с непременно игрой "в почту". (Была такая игра в переписку, когда адресом был номер на груди участника игры). Сколько смеха, веселья было подчас! Будучи стар-

шекласниками, мы и сами потом посещали эти балы. Это было незабываемо! Танцевали вокруг елки, не удаляясь от нее далеко, ведь только там было горизонтальное место. Дальше пол был с подъемом (ведь это был все-таки кинозал), и танцевали там только виртуозы. Веселье продолжалось до утра.

Разгоряченные танцами и атмосферой веселья, многие выходили на воздух подышать, на выходе они получали контрамарку (еще одно забытое слово), чтобы можно было вернуться в зал. Кто уходил совсем, мог свою контрамарку передать любому. Поэтому и слышалось иногда у входа в клуб: "Дай контрамарку"...

А мы, когда подросли, чтобы проникнуть на встречу Нового года в ярко освещенный зал, опять шли на хитрость. Дожидались, когда первые "разгоряченные" весельем счастливики начнут выходить на воздух, смело шли мимо контролера. Мы подметили, что не все в этой круговерти берут контрамарки, но возвращались в зал, и их никто не задерживал. Кто задержит молодого парня без верхней одежды. Ведь ясно, что он только что был в зале! Этим-то мы и спешили воспользоваться. Оставляли пальто и шапку у кого-нибудь, кто жил ближе всех к клубу, посыпали друг друга цветным конфетти, даже номерок для игры "в почту" не забывали приколоть на лацкан пиджака и бежали в клуб. Там мы внедрялись в толпу возвращающихся в зал. И все проходило замечательно! Вместе с остальными мы веселились до утра! Главное в этой афере было добежать до клуба, не замерзнув, и при входе сделать соответствующую мину на лице.

С открытием клуба вопрос досуга жителей поселка был решен. А вот вопрос с поправкой здоровья на поселке еще долго оставался открытым. Была запланирована своя поликлиника, даже фундамент был заложен рядом со школой. Но, как это часто случалось, из-за недостатка средств стройка была на время заморожена, кстати, долго простоял недостроенным еще один очень нужный объект – баня. Любители попариться ходили в железнодорожную баню, а лечиться – в городскую поликлинику, которая тогда находилась в одноэтажном здании на 1-й Садовой, 12 (теперь – ул. Трегубова), где потом находилась музыкальная, а сейчас – художественная школа. В самом поселке машиностроителей для оказания первой медицинской помощи был небольшой фельдшерский пункт, который располагался в неприметном финском домике, затерявшемся среди бараков.

А население поселка все увеличивалось и в основном за счет вербованных. Их размещали в новых бараках, а дети приходи-

ли учиться в нашу школу. С ними происходили забавные, а иногда и драматические казусы. Это касалось детей, которые прибыли из Белоруссии или Украины. Все они разговаривали и писали на своих родных языках, а тут их стали учить русскому языку, не принимая во внимание ни их национальность, ни их возраст. Ведь эти республики почти два года были в немецкой оккупации, и все эти два года ребята были лишены возможности учиться. У иных уже усики пробивались, а они вынуждены были сидеть за одной партой с мелюзгой. А тут еще диктанты по русскому языку! Что тут было? Надо было видеть их тетради с диктантом после проверки: вся страница в красных учительских исправлениях. Представьте любого из них, усердно пытаящегося на этих злополучных диктантах и упрямо писавших короткое слово КАК еще короче: ЯК, не говоря уже об остальных словах. Правда, все эти ребята-переростки в школе не задержались. Закончив 5-6 классов, все они вскоре ушли в училище ФЗО, на стройку или на завод. Многие из них уже покуривали.

Папиросы и сигареты того времени запомнились по названию "Норд", потом эти папиросы стали называться "Север", "Бокс" - тогда же какой-то остряк расшифровал это слово так: "Благодарю Отмену Карточной Системы" (читая первые буквы, получается БОКС). Были еще "Пушка", "Прибой", "Огонек" и воспетый в песнях и фильмах "Казбек". Курить "Казбек" было престижно.

Особенно уважали коробки "Казбек" демобилизованные офицеры. Все они некоторое время получали небольшую добавку к своей зарплате, как вознаграждение за звание, а также за имеющиеся ордена и медали. Причем, чем выше по значимости орден, тем больше было денежное вознаграждение. Но недолго шиковали спасители Европы. Года через два после окончания войны все эти добавки отменили. И как тогда писали, все это было сделано по просьбе самих же награжденных. В дальнейшем подобных "просьб" от трудящихся будет немало.

Кстати, иностранное слово в названии папирос изменили на родное русское потому, что в то время шла нешуточная борьба с преклонением перед Западом.

В газетах, пьесах, фильмах эта кампания называлась борьбой с космополитизмом. Борьба была такая, что многие теряли выгодную работу, а некоторые - и головы. А как теперь посмотрит внук развенчанного космополита на сегодняшнюю словесную вакханалию? От иностранных слов в названиях фирм, магазинов, лавочек, товаров и других атрибутов нашей повседнев-

ной жизни рябит в глазах. Русские названия у современных русских (русских ли?) не в чести. Смотришь телевизор, слушаешь радио, читаешь уличную рекламу и думаешь: "Где мы живем? В России ли?"

Сомневаюсь, чтобы "там" молодые люди на эстраде считали за честь спеть что-либо на русском языке для своих слушателей, не могу это представить. Зато своих "звезд" и "звездочек" слышу ежедневно, и уж они-то считают чуть ли не доблестью петь для своего слушателя на английском языке. Не в пример нашим, зарубежные артисты чтут свою культуру, свой флаг. Но с какой стати наши молодые люди украшают свою одежду их флагом? Следуя логике 50-х годов прошлого столетия, мы не просто ПРЕ-КЛО-НЯ-ЕМ-СЯ, а уже давно лежим пред ними ниц!

И последней каплей, переполнившей чашу терпенья по поводу нашего преклонения перед Западом, стало то, что с недавних пор у нас игнорируют нашего русского Деда Мороза в угоду Санта Клаусу. Особенно в этом усердствует наше телевидение, стоит только вспомнить передачи, посвященные наступающему Новому году.

Что может символизировать доморощенный карлик, копошащийся в ногах таких же, как он сам? Он даже мешок с подарками поднять не может. А как он одет? Какая-то кургузая куртка, на голове нелепый колпак с кисточкой... И это при наших-то морозах? Сразу встает во всей красе наш родной русский Дед Мороз, какого мы помним с незапамятных времен. Это богатырь, исполин с большой бородой, в синей шубе до пят с огромным воротником и с непременно посохом в руках. От него так и веет силой, мощью, здоровьем, удалью! Только такой Дед Мороз может символизировать нашу зиму, нашу природу, наши традиции, наш народ!

Мы подрастали, переходили из класса в класс, увлекались чтением, благо, для этого было много возможностей. Кроме школьной библиотеки, из которой мы давно выросли, посещали недавно открывшуюся библиотеку рядом с домом – в клубе машзавода. Потом мы записались в городскую детскую библиотеку, которая размещалась в старом здании на Советской площади рядом с пожарным депо и сберкассой. Когда и там стало "тесно", мы направились в центральную городскую, находившуюся там же, на площади, в приземистом одноэтажном домике, на месте которого потом возвели 2-этажное здание "РАЙПО".

Что читали тогдашние школьники? Конечно, про войну, про

героев-комсомольцев, про партизан, про разведчиков. Особенно мы увлекались Николаем Кузнецовым, про которого написал книгу его командир Дмитрий Медведев. Сначала она называлась "Это было под Ровно", а потом, когда пополнилась новыми главами, стала называться "Сильные духом".

В течение долгого времени издавалась дешевая серия книг в мягком переплете. Она называлась "Роман-газета", выходила два раза в месяц, и ее можно было получать по подписке. В ней, до выхода настоящих книг, печатались все новинки (часто с продолжением). Так, роман В. Каверина "Два капитана", получивший в 1946 году Сталинскую премию (которую потом стыдливо назовут Государственной), которым мы зачитывались и новых книжек ждали с нетерпением, печатался в четырех выпусках.

Кроме того, в те годы, когда нам было по 12-14 лет, мы открыли для себя удивительный мир приключений и фантастики в романах Ж. Верна и М. Твена, Ф. Купера и М. Рида, А. Дюма и В. Скотта, Г. Уэллса и А. Конан-Дойля. Мы читали эти романы "запоем", не расставались с ними даже на уроках, пока учительница скучно объясняла про какую-нибудь инфузорию-туфельку или про очередного египетского фараона.

В начале 50-х годов прошлого столетия почти одновременно вышли две детские книги. Одна называлась "Васек Трубачев и его товарищи", и написала ее В. Осеева. Другая была написана Н. Носовым, до того неизвестным автором, а потом знаменитым на весь Советский Союз. Его книга называлась "Витя Малеев в школе и дома". Обе книги были про школьников нашего возраста. Обе книги мы читали, по одной из них была даже громкая читка после уроков, но недолго. Мероприятие не прижилось, все-таки чтение – процесс индивидуальный.

Обе книги были нарасхват, пользовались большим успехом, и обе были отмечены Сталинскими премиями. По одной из них потом сняли фильм "Васек Трубачев".

Успех у книг был, но отношение к ним было неоднозначное. Одна из них, написанная В. Осеевой, была очень уж "правильной", персонажи, действовавшие там, были не похожи на реальных. Они были какими-то "прилизанными", приукрашенными, скорее такими, какими должны были быть советские пионеры и школьники. И этим "Васек Трубачев" напоминал повесть А. Гайдара "Тимур и его команда", написанную десятью годами раньше. А уж там Гайдар описал таких пионеров, каких в жизни никогда не было! Были только Квакины, и то не такие.

А вот другая повесть про Витю Малеева была про нас тогдашних, так узнаваемо описанных Н. Носовым. Главное, что мы узнавали в его героях себя, своих друзей и товарищей. Были среди нас свои Мазины, свои Русаковы и, конечно, Малеевы. Их поведение, их поступки были и нам не чужды. Все у Н. Носова было, как в жизни!

Конечно, мы не только читали и бегали в кино. Некоторые из нас занимались посильными видами спорта: волейбол, баскетбол, лыжи, стрельба, бег... В футбол сами не играли, но ходили на стадион, где смотрели футбольные схватки между опытной командой железнодорожников и молодой командой машзавода. В обеих командах можно было видеть спортсменов, еще недавно носивших гимнастерку. Они играли с молодыми рядом, да и сами были молодыми! Ведь когда закончилась война, им было едва по двадцать лет!

Смотреть футбольные схватки местных спортсменов тогда было намного интересней, чем сейчас. Во время матчей все места на трибунах были заняты. Интерес объяснялся тем, что тогда не было телевидения, и большого футбола мы были лишены. Зато большим успехом тогда пользовались репортажи с футбольных полей легендарного Вадима Синявского. Его слушали даже те, кто не очень-то интересовался самим футболом.

Стадион, на котором проводились матчи, примыкал к парку, а вход на него был со стороны дороги (тогда еще не асфальтированной) Узловая – Сталиногорск. Сейчас этот стадион заброшен и отдан под выгул собак. А тогда справа от входа были трибуны с лавочками для болельщиков, которые во время матчей никогда не пустовали. По рядам разносили мороженое и морс (был тогда такой напиток для утоления жажды). Посещали мы также парк, который особенно привлекал нас летом во время празднования в Узловой Дня железнодорожника и Дня шахтера. Первый праздник был в начале августа, а второй – в конце того же месяца по воскресеньям. Так как в Узловой раньше жили в основном железнодорожники и шахтеры, то эти праздники были культовыми, и их праздновали с размахом.

Уже с утра в парке звучала музыка, работал летний ресторан с открытой верандой, биллиардная, читальня (было и такое заведение в глубине парка). Вокруг фонтана гуляли празднично одетые люди. Многочисленные лавочки, расставленные в зоне отдыха, были постоянно заняты. Наверное, такую ситуацию подсмотрел Алексей Фатьянов, когда написал в своей песне: "На

скамейке, где сидишь ты, нет свободных мест..." И как в той песне, всюду звучал духовой оркестр сначала на открытой эстраде зеленого театра, а вечером – на танцах. И вечером же в зеленом театре обязательно был большой концерт художественной самодеятельности, где зрителям не хватало даже мест, и многие стояли в проходе. А мы, мальчишки, для лучшего обзора сидели на заборе.

Ходили в парк и зимой, там вокруг фонтана заливали каток, а коньки напрокат выдавали в административном здании, которое находилось на стадионе рядом с волейбольными и городскими площадками. Тут можно было покататься на настоящих коньках с ботинками, которых, увы, у многих все еще не было. На катке было всегда многолюдно, он был освещен, гремела музыка, работал небольшой буфет, где можно было взять горячий чай и булочку. На катке можно было встретить всех: и мастеров, которые в своих белых свитерах гордо рассекали толпу катающихся, и начинающих, и совсем неумелых, которые выделывали смешные вензеля и непрерывно падали. А в сторонке на снегу стояли те, кто пришел просто поглазеть на толпу катающихся или найти кого-то, кого давно не видел. Это было безошибочно, потому что, кажется, тут были все. Но на лед без коньков не выходил никто.

Очень любили мы и лыжи. Сначала это были самодельные, а потом мы стали на настоящие. Зимы тогда были очень снежные, и мы с друзьями освоили все мало-мальски подходящие горочки, которых в нашей местности очень мало. Поэтому катались с крыш занесенных снегом "палаток", ведь они были наполовину в земле, и только крыши были над землей, так что занесенная снегом палатка, особенно нежилая, представляла собой идеальную горку. А самой большой для нас горкой тогда была железнодорожная насыпь в районе моста через Любовку. Не всякий мог похвататься, что съехал с этой насыпи, ни разу не упав.

Готовясь к лыжным соревнованиям, мы исколесили все окрестности Узловой. Особенно мы любили заснеженные поля, принадлежащие колхозу им. Калинина у села Супонь (на фото автора, 1966 год).

1951 - 52 годы

В 1951 году в нашей школе-семилетке состоялся первый выпуск. Тогда школы делились на начальные, семилетние и средние. Средней наша школа стала через год, когда директором

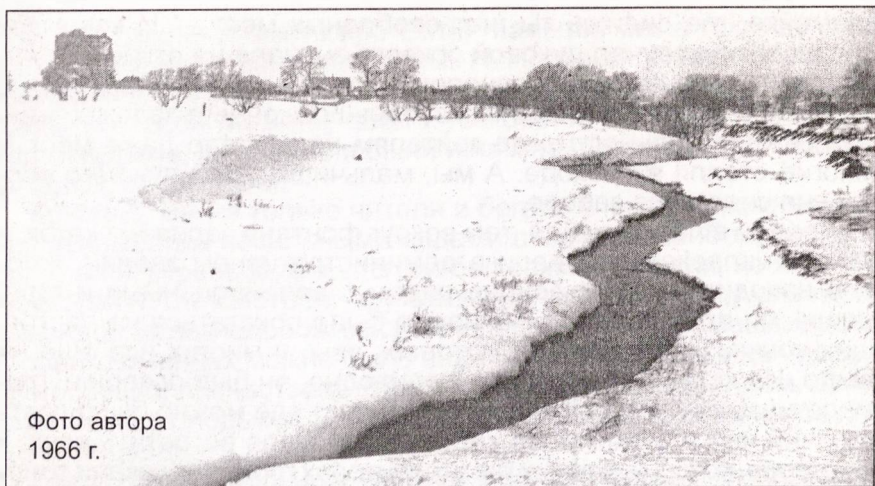

Фото автора
1966 г.

назначили Николая Фёдоровича Юрчикова, а Воскресенский остался завучем.

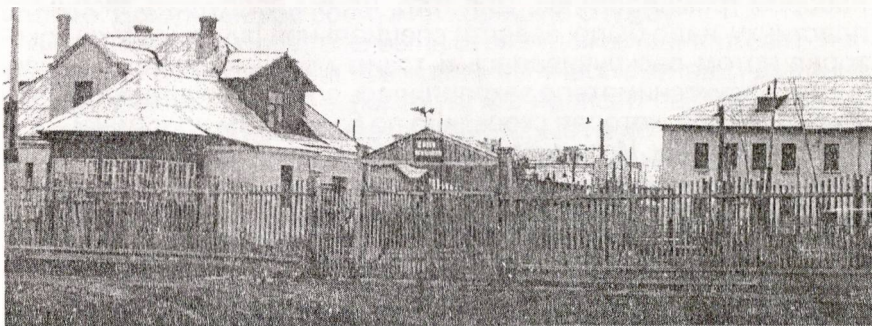
Те выпускники семилетки, кто не пошёл в техникум или в училище, нашли своё призвание на "нашем" заводе. Так называли в нашей школе машзавод, наверное, потому, что мы росли вместе с ним. Да и родители многих учеников работали на заводе. Когда мы ходили на экскурсии в цехи завода, то видели за станками многих бывших учеников нашей школы.

Тогда в каждом цехе рядом с кладовой была будка, где стояла установка для газированной воды, и где всегда можно было утолить жажду. Во время экскурсий на завод мы обязательно заглядывали туда. Стоило попросить женщину, которая заведовала этим пунктом, и нам, школьникам, никогда не было отказа. Иногда мы злоупотребляли этим, незаконно проникая на территорию завода только за тем, чтобы попить газированной воды. Хотя такая же вода (с сиропом) была на каждом углу и стояла она копейки.

Директором завода тогда уже был Иван Иванович Федунец. Мы знали это потому, что в нашей школе училась его дочь Нина. Надо сказать, что она ни одеждой, ни чем-то другим не отличалась от своих одноклассниц, разве только тем, что когда в школе появилось пианино, она играла на нём. Музыкальная жизнь в школе с появлением пианино стала разнообразней. Теперь наши школьные самодельные артисты пели под аккомпанемент пианино.

Бориса Федунца, сына директора завода, мы тоже знали, хотя он учился не в нашей школе. Ведь мы много времени проводили в недавно открывшемся Доме пионеров, который находился в переулке Тургенева, недалеко от коттеджа, где жила семья нового директора машзавода.

Машзаводской Дом пионеров (на фото, 1954 год) располагался тоже в коттедже, главный вход в который был со стороны

переулка Трудовых резервов. Теперь этот коттедж принадлежит детскому дошкольному комбинату (ясли-сад). В Доме пионеров было всего две комнаты, которые всегда были заполнены детьми. Сюда приходили и до школы, кто учился во вторую смену, и после школы. Здесь работали всевозможные кружки на любой вкус. На столах всегда были подшивки газет и наших любимых журналов "Огонёк" и "Смена". Были тут и тихие игры, но тихие только по названию. Шум и гам там стоял до самого позднего вечера. В Доме пионеров работали всего две чудесные женщины: Валентина Гавриловна Попова (директор) и Таня Абашкина (старшая пионервожатая). На них держалась вся воспитательная работа. Руководили кружками приглашённые специалисты. Так кружком рисования, который громко именовался как кружок изобразительного искусства (ИЗО), руководил наш учитель по рисованию Владимир Константинович Вейнский, а кружком пения руководил один из Стрижей – Владимир.

Мы с друзьями любили листать "Огонёк". Это был отличный журнал хотя бы потому, что там, на вкладках, всегда печатались большие цветные репродукции картин из собраний художественных музеев нашей страны.

Так мы познакомились с картинами великих русских и зарубежных художников. С тех пор некоторые из нас не могли уже

равнодушно проходить мимо киосков Союзпечати, где продавались наборы открыток картин различных музеев СССР и мира. Позже наиболее доступные из них, такие как Государственная Третьяковская галерея и Музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (на Волхонке), мы посещали неоднократно.

Кроме того, в машзаводском Доме пионеров был патефон – это “чудо техники” первой половины двадцатого века с большим набором грампластинок. Для того, чтобы послушать любимую пластинку, надо было завести специальной ручкой пружину, которая потом раскручивалась и таким образом вращала пластинку. В звукоснимателе закреплялась специальная закалённая стальная игла, которая скользила по бороздкам пластинки – так извлекался звук. Игла скоро тупилась, звук искажался, и её надо

Кружок рукоделия. Справа директор Дома пионеров
В. Г. Попова (фото 1953 г.)

было менять, чем чаще – тем лучше. На этом патефоне мы слушали и постигали хорошую музыку. Пластинки были с различными мелодиями: были тут и арии из опер, и куплеты из оперетт, и русская народная, и классическая, и танцевальная музыка.

В те годы большой популярностью пользовалась танцевальная музыка: вальсы, танго и фокстроты. И мы с удовольствием слушали любимые мелодии, а благодаря этикеткам на пластинках мы знали создателей этих шедевров. Так мы узнали, что задушевный вальс “Березка” написал композитор Дрейзен, не менее знаменитые вальсы “На сопках Маньчжурии” и “Амурские волны” были сочинены композиторами Шатровым и Кюссом.

Танго "Брызги шампанского" написал Оскар Строк, а знаменитый полонез, который назывался "Прощание с Родиной", сочинил М. Огинский. Музыка последнего так заворожила нас, что мы бросились искать материалы о композиторе и узнали, что он поляк, после участия в восстании против угнетателей был вынужден эмигрировать и там, тоскуя по родине, написал свой знаменитый полонез. Так что тем, кто отличался любознательностью, Дом пионеров сослужил хорошую службу.

При Доме пионеров тоже была своя художественная самодеятельность, с некоторыми номерами её участники выступали на заводе. Сейчас трудно вспомнить, кто написал частушки на заводские темы для наших девчонок, которые их исполняли, но слова этих частушек до сих пор в памяти. Одна из них звучала так:

Сколько раз клянётся Волков,
Что с работой справится.
Только мало видно толку,
Всё в хвосте он тянется.

Небольшой коллектив художественной самодеятельности заводского Дома пионеров выступал на стыке двух смен в цехе металлоконструкций (ЦМК), который позже стал именоваться механосборочным цехом №2 (МСЦ-2).

Кроме исполнения частушек, были и другие номера: братья Трушляковы сплясали "Русский танец", а на бис "Яблочко", а сёстры Никифоровы исполнили песню "Шахтёрский вальс". Была такая песня с простенькими словами, воспевающими труд шахтёров, где припевом были слова:

Ой, Мосбасс, ой, Мосбасс,
Цвети наш любимый Мосбасс.

Музыка была в ритме классического вальса (и-раз-два-три, раз-два-три), и под эту музыку на танцплощадке с удовольствием кружились пары.

Успех у исполнителей был полный, рабочие громко аплодировали "артистам".

Так переплетались судьбы завода и школы, рабочих и школьников. Так просто, толково, весело и с пользой проводили мы своё свободное время.

Остаётся мимоходом добавить, что там же, в Доме пионеров, я заметил симпатичную девчонку Валю Никифорову. Конечно, прошло ещё много времени, прежде чем мы соединили свои судьбы. Это произошло после моего возвращения из армии. Мы с ней расписались, и она стала Ворониной. Совсем не-

Валентина Никифорова
(фото 1954 г.)

давно, в ноябре 2005 года, мы с Валентиной Григорьевной отметили 45-летие нашей совместной жизни.

В 1952 году окончила школу (вечернюю) моя сестра Александра, и поступила в Алексинский агрометеорологический техникум, и в 1955 году уехала по распределению в Казахстан.

Там она работала на метеостанции в г. Уш-Тобе (в трёхстах километрах севернее Алма-Аты, ближе к границе с КНР) сначала наблюдателем, а потом много лет начальником этой же метеостанции. До самого выхода на пенсию она предсказывала погоду казахам, которые в 1993 году вынудили её с мужем покинуть

ставшим родным Казахстан и переехать к своему сыну в г. Фрязино Московской области.

1953 год

Наступил 1953 год. Отшумели новогодние балы в школе и в клубе. Закончились каникулы. Началась третья, самая длинная, четверть. И вдруг через несколько дней после начала занятий по радио было передано оглушающее сообщение: арестована банда врачей-вредителей, врачей-убийц. Началось так называемое "дело врачей". Оказывается, они занимались преступным лечением Жданова, Щербакова и других видных деятелей партии и правительства. Это в результате их преступных действий умерли эти великие люди. Кроме того, им приписывали ещё и коварные попытки отравить Сталина, Ворошилова, Молотова и других. Во всех этих преступлениях врачи уже сознались. В газетах того времени замелькала фамилия Тимошук (то ли медсестры, то ли врача), которая разоблачила эту банду и которая мигом была награждена орденом Ленина.

Мы хоть и учились в седьмом классе, но уже кое-что соображали: как такое могло случиться? Как эти опытные врачи, многие с дореволюционным медицинским стажем, приставленные

к телам наших вождей, могли так низко пасть? И самое главное, как могло это так долго продолжаться? Почему не разоблачили их раньше? Два месяца страна жила с трескотнёй по радио про коварных убийц в белых халатах, пока новое, более громкое сообщение не потрясло страну: заболел Сталин.

Было начало марта. В тот запомнившийся год первый весенний месяц был очень тёплым. В первых числах марта было так тепло, как часто бывает только в апреле. У нас в школе всё было расписано на неделю вперед. Ещё бы! Приближался праздник – международный женский день. Правда, смущало всех, что день 8-е марта – праздничный, но не выходной. Успокаивало только то, что это не единственный праздник, который является рабочим днём. То же самое было и с днем Красной (Советской) Армии и Флота, и Праздником Победы (который почему-то теперь называют Днём Победы).

По поводу женского дня тогда не было такого ажиотажа с подарками девочкам, как это стало практиковаться позже, но всё же поздравления должны были быть и по случаю праздника – вечер и, конечно, танцы! Но в одночасье всё было перечёркнуто. Все оставшиеся до 6-го марта дни прошли в тревоге: ежедневно почти каждый час по радио передавали сообщения о болезни Сталина. А 5-го марта в 21-45 он умер (о чём объявили утром 6-го). Начался траур.

Как реагировали взрослые, было понятно: у многих на глазах были слёзы, дрожал голос... В зале школы был выставлен большой портрет вождя в траурной рамке, а у портрета – почетный караул на время перемены из двух лучших учеников. Во время другой перемены – другие школьники у портрета. На всех переменах было непривычно тихо, ходили вдоль стен, в центре зала никакого движения не было. Звонка не давали, уроки начинались по приглашению учителей.

Уже на следующий день, ещё не похоронив Сталина, в правительстве начались большие перестановки кадров, чехарда с объединениями, укрупнениями, разъединениями министерств. На все лады звучали фамилии Маленкова, Молотова, Берии, Ворошилова и других корифеев партии и правительства.

Страна начала аплодировать Берии, возглавившему самое важное министерство – МВД. Ведь это он прекратил “дело врачей”, освободил их и реабилитировал. Оказалось, что они ни при чём, что их оговорила та самая Тимошук. И опять вопросы: как это могло случиться? Как ей поверили? А Берия, между тем,

амнистировал тысячи людей и выпустил их из тюрем и лагерей.

А потом не менее оглушительная новость: сам Берия оказался "врагом народа", завербованный ещё в 1918 году и работавший (столько лет?) на три иностранные разведки. От этих сообщений голова шла кругом.

На фоне таких ошеломляющих событий как-то менее заметно прошло сообщение об окончании длительной войны в Корее, которая началась в 1950 году.

Для нас, подрастающих школьников, война в Корее была, как

война в Испании для наших родителей. Мы тоже, как и они, следили за ходом войны по сообщениям из газет, отмечали на карте освобожденные войсками КНДР города Юж. Кореи, радовались, когда большая часть её была уже в "руках войск КНДР" и у "врага" оставался один город – порт Пусан. Но при помощи США на освобожденной территории был высажен десант (так писали в газетах того времени), и в июле 1953 года, уже после смерти Сталина, было заключено перемирие между КНДР и Юж. Кореей. Границей для них так и осталась 38-я широта.

К этому времени мы закончили 7-й класс. Нас предупреждали, что отметка по Конституции СССР, полученная на экзамене

в 7-м классе, войдёт потом в аттестат, намекая, что надо “приналечь” на этот предмет. Если кто помнит, это была та самая Сталинская Конституция, принятая ещё в 1936 году и, как тогда писали, это была самая справедливая Конституция в мире.

Конституция открывалась статьёй, что “вся власть в СССР принадлежит народу” и представляла этому народу много прав и среди них главные: право на труд, право на охрану здоровья, право на отдых и право на образование. Что означали эти права, стало понятно только сейчас. Для осуществления этих прав тогда было много, очень много возможностей. Давайте вспомним...

Для того, чтобы получить образование, кроме тех школ, которые в городе открывались одна за другой (1947 г. – шк. №7, 1955 г. – шк. №17, далее – шк. №№20, 22, 13, 1), была школа рабочей молодёжи (ШРМ). Последняя очень помогла той молодёжи, которая по разным причинам не смогла получить образование вовремя, в основном, это была молодёжь военного времени. Многие работники завода с гордостью вспоминают те годы, когда уставшие после напряженной смены бежали в свою родную школу. Это были сильные, волевые люди, своего рода герои. Ведь у многих из них уже были семьи, дети. Да и бытовые условия были не совсем подходящие: многие жили в общежитиях, семейные снимали угол в каком-нибудь частном доме. И как тут делать уроки, если в снимаемой комнатке часто невозможно было поставить стол: свободное место занимала детская коляска.

Таковыми же героями были те, кто потом поступил в вечерний техникум тяжёлого машиностроения, который в шутку называли “академией Богграда” (по фамилии первого директора этого учебного заведения). Техникум был открыт в 1957 году, и учились там не только те, кто давно работал на заводе, но и многие вечерашние выпускники городских школ. По мнению некоторых, это были неудачники, которые не смогли поступить в ВУЗы. Но это не так, вернее, не совсем так. Молодые шли в вечерний техникум, чтобы иметь материальную независимость от родителей. Они днём работали, а вечером учились. Все молодые люди после школы поступили на завод учениками по какой-либо ведущей заводской профессии, ещё не имели опыта, получали мизерную зарплату, но, тем не менее, шли на эти неудобства, добровольно лишая себя многих удовольствий. Ведь в этом возрасте хочется сходить в кино, на танцы, на свидание, в конце концов. Но надо было бежать на занятия... Особенно трудно было совмещать занятия с работой в третью (ночную) смену.

Но и на этом некоторые не остановились. В 1961 году при заводе открылся заочный политехнический институт с вечерним посещением (филиал ТПИ), и все началось сначала: опять работа, напряжённая смена, занятия, зачёты, экзамены и т.д.

Можно с уверенностью сказать, что каждый второй специалист на заводе является выпускником заочного ТПИ или вечернего (а потом и дневного) техникума.

И самое главное, что всё это было бесплатно. Тогда в те годы никто и никогда не мог даже и в мыслях предположить, что получение образования В НАШЕЙ СТРАНЕ когда-нибудь будет платным!

Что касается права на охрану здоровья, то тут тоже был полный порядок. Чтобы это понять, надо вспомнить, что, кроме трёх поликлиник и больниц, существовавших в городе, на каждом предприятии были свои здравпункты. Только на нашем заводе они были при каждом основном цехе. Кроме того, при цехе №5 была женская комната, при цехе №1 одно время был даже фотарий. Зубы можно было лечить, не отлучаясь с работы, т.к. было два зубокабинета: при цехе №1 и при цехе №20. В 7-м корпусе функционировал физиотерапевтический кабинет, где опять же, не отпрашиваясь с работы, можно было принимать прописанные врачом физио - электропроцедуры. И всё это бесплатно!

Ещё в 1969 году был открыт заводской санаторий-профилакторий с "заездом" на 100 человек одновременно. Чуть позже открылась заводская турбаза и свой пионерлагерь. Оплата - 10% от полной стоимости, остальное оплачивал профсоюз. За те же 10% от стоимости путёвки сотрудники завода выезжали в многочисленные санатории Крыма и Кавказа. Можно сказать, что лучшие санатории Советского Союза распахивали свои двери перед трудящимися страны. Другое дело, что этими путёвками часто пользовались одни и те же люди, но это уже были издержки системы распределения путёвок.

Но стоит заметить, что в те времена поездку на юг мог позволить себе каждый хотя бы "дикарём". Стабильность рубля, цен и отсутствие границ позволяло сделать это без большого ущерба для кошелька.

Содействовали поправке здоровья и два бассейна, действовавшие в городе, которые по абонементу профсоюзной организации завода можно было посещать бесплатно.

И в связи с этим нельзя умолчать о таком важном оздорови-

тельном комплексе, как баня с парилкой. Бани были в каждом посёлке, а в городе их было две. Плата в них была мизерная, а оздоровительный эффект – огромный. Ведь, как известно, “баня парит, баня правит, баня здоровье дарит”. И вдруг у наших демократов баня стала нерентабельной. Но она никогда и не была источником получения прибыли. На здоровье нельзя экономить!

Нерентабельность, безработица, инфляция – слова эти тогда встречались только в учебниках по зарубежной экономике или в статьях журналистов-международников, отрабатывающих свой хлеб с маслом.

Право на отдых также реализовывалось достойно. Не выезжая за пределы Тульской области, за небольшую плату можно было провести свой отпуск в одном из многочисленных домов отдыха.

Правда, в шестидесятые-семидесятые годы прошлого века была некая дискриминация по количеству отпускных дней: у рабочих – 12 рабочих дней, у техников – 18, а у инженеров – 24 дня. Через три года непрерывной работы на одном предприятии рабочему добавляли ещё три дня отпуска. С выходными получалось уже три недели отпуска. Это не касалось рабочих с вредными условиями труда. Они за эту вредность получали дополнительные льготные дни. За этим строго следила профсоюзная организация завода. Лишь спустя много лет все работники завода стали иметь основной отпуск в 24 рабочих дня, а льготы – ещё и дополнительные дни, положенные им за вредные условия труда.

Но как это ни парадоксально, отдыхать наши люди не умеют. Где и как отдыхали бывшие советские люди? На даче, реже где-нибудь дикарём... А чаще меняли один вид работы на другой: затевали ремонт! И уж тут даже месячного отпуска не хватало.

Была ещё одна важная статья в Конституции, гарантирующая право на жилище. И это право реализовывалось вполне достойно. Ещё все помнят, какое строительство жилья было в 70-е – 80-е годы! Теперь это время нынешние журналисты называют “годами застоя”. Какой же это застой, когда везде что-нибудь строилось, запускалось, открывалось! Везде всё кипело!

Люди работали, получали квартиры. Да и содержать жильё было ненакладно, квартплата была почти символической. Это тоже регламентировалось той же статьёй: “...право обеспечивается... справедливым распределением под общественным контролем жилой площади, ... а также невысокой квартирной

платой" (статья 44). Для примера: квартплата за двухкомнатную квартиру не превышала 10 рублей при средней заработной плате в 150 рублей. Сюда, как и сейчас, не входила стоимость электроэнергии, но об этом вообще не стоит говорить. Стоимость 1 киловатта электроэнергии была всего 4 копейки, и она не менялась десятилетиями!

Стабильность родной валюты, отсутствие инфляции, вовремя выплачиваемые зарплата и "отпускные" позволяли людям жить и работать в радость. И вот эту-то "Россию мы потеряли", а не ту, о которой плачет господин Говорухин.

В той России, о которой он плачет, наши деды жили в хате с соломенной крышей и часто с земляным полом, ели пустые щи и ходили в лаптях. И они не всегда доживали до 50 лет. А в период "развитого социализма" средняя продолжительность жизни увеличилась до 64 лет. Сейчас же, добившись добровольной смены социализма капитализмом, эта планка опять упала до 57 лет. Вымираем, господа...

А теперь, что касается права на труд. Во времена советской власти по этому поводу иронизировали: какое же это право? Это, скорее, обязанность. Тогда на всех заборах висели объявления

с одним крупно набранным словом: **ТРЕБУЮТСЯ**, и дальше шел длинный список профессий, которые были нужны многочисленным предприятиям города. Сколько их было в Узловой, помнят все. Эти заводы, фабрики, мастерские работали в две смены, а в шестидесятые годы – в три (и наш завод в том числе). Ни один человек не оставался без работы. Но если находился кто-нибудь, кто долго не работал, того звали "тунеядцем" и принимали меры, чтобы этот человек не сидел без работы (иногда вплоть до принудительного привлечения к труду).

И только теперь можно оценить ту статью в Конституции, ут-

Василий Воронин

верждающую право на труд. Эта статья есть и в современной Конституции, но кто на неё обращает внимание?

И невольно напрашивается вопрос: что же лучше? Социализм с "человеческим лицом" или капитализм со "звериным оскалом"?

Парадокс! Хорошего жилья нет, дороги разбиты, сельское хозяйство в упадке, машины и станки давно выработали свой ресурс – а работы нет. Бытовую технику покупаем импортную, т.е. поддерживаем иностранного производителя. Да, в магази-

нах теперь всё есть и не надо за колбасой ехать в Москву. Частные магазины скоро в каждом подъезде будут, а своего, российского, в них почти ничего нет! Что будем кушать, если вдруг поссоримся с Америкой, Бразилией, Китаем?)

Что касается самой Конституции как школьного предмета, то мы тогда статьи её, конечно, изучали и знали, судя по итоговой оценке в аттестате. Но особенно мы не напрягались. Все права действительно были предоставлены, все они соблюдались, и мы принимали это как само собой разумеющееся.

А теперь вспомним вместе, что же произошло в городе и на поселке машзавода в том далеком 1953 году?

А произошли два замечательных события, по крайней мере, для нас, подросших школьников. Весной того года был открыт интересный объект на поселке машзавода, где мы потом проводили все свое свободное время, особенно вечернее. Это был

сквер, обыкновенный сквер. Его разбили на пустыре рядом с ларьком "Голубой Дунай". А летом была построена плотина и создана база отдыха на реке Любовка. Ручей, который до этого гордо именовался рекой, широко разлился и заполнил весь естественный котлован, который кое-где расчистили и углубили. Вблизи плотины на левом берегу соорудили 10-метровую вышку с промежуточными настилами в 3, 5 и 7 метров. Был также причал на несколько весельных лодок. Надо ли говорить, что Любовка теперь стала любимым местом отдыха всех узловчан, особенно молодежи. Мы пропадали там целыми днями, купаясь и загорая. А вечером спешили в сквер, который на некоторое время стал центром гуляния молодежи машзавода. И поэтому мы стали реже посещать парк, так как в сквере было почти так же, как и в парке. Здесь тоже стояли лавочки вокруг фонтана, и так же, как в парке, они были постоянно заняты. Сами лавочки были чугунные, оригинального литья и выкрашены серебряной краской, только рейки были зеленого цвета. Молодежь, как и в парке, гуляла вокруг фонтана, а парочки искали уединения в еще молодых кустиках. Здесь встречались друзья, влюбленные назначали свидания. Сновали вездесущие фотографы-любители, и у многих наверняка сохранились карточки, запечатлевшие их на фоне тамошних достопримечательностей: у девушки с веслом, у статуи дискобола или у слоника с поднятым хоботом. Статуи были, конечно, не из мрамора и не раз осмеянные потом более поздним поколением. А для нас они были как родные: если девушка с веслом на месте, значит, все в порядке, и жизнь, хоть и трудная, продолжается.

По периметру сквер был обнесен деревянным штакетником, выкрашенным в зеленый цвет, а дорожки были засыпаны крошкой из красного битого кирпича. Сквер был удобен еще и тем, что напротив через улицу (бывшая Центральная) стояли два общежития, и там был "пяточок". В данном случае – это заасфальтированное место у забора складов ЖКО.

На этом "пяточке" каждый вечер собиралась молодежь, находилась гармошка, а то и баян, и начинались танцы. Иногда кто-нибудь не выдерживал и пускался в пляс увлекая других.

Сквер этот сохранился до наших дней. В начале девяностых годов его облагородили, убрали лишние и малоценные деревья, поменяли столбы освещения, сняли штакетник и убрали фигуры "спортсменов" из недолговечного материала. Нынешний сквер – не такое многолюдное место, как во время нашей молодости,

но мы снова ходим сюда, но уже для прогулок с внуками. На месте фонтана стоит какая-то абстрактная композиция, и наши

Вид сквера по ул. 14 Декабря (1953 год)

подростающие внуки спрашивают: “Что это?”. И как им объяснить, что это такое, мы сами не знаем. Не будем же говорить, что в народе эту композицию зовут “самогонщики”... Да, у каждого времени свои приметы.

Было в том году еще одно событие, менее значимое, но, тем не менее, врезавшееся в память. Везде и всюду тогда стали звучать “куплеты Курочкина”. Помните? “Хвастать, милая, не стану, знаю сам, что говорю...”

Дело в том, что в 1953 году в прокат вышел фильм “Свадьба с приданым”, который, как ни странно, до сих пор пользуется популярностью и у современного зрителя. Поэтому его часто транслируют по телевидению. Музыка к этому фильму написал Б. Мокроусов, который потом написал замечательный вальс “На Волге широкой, на стрелке далекой” и не менее знаменитую “Вологду”.

В конце 1953 года в поселке машзавода в подвальном помещении углового дома по ул. Центральная (теперь – ул. 14 Декабря), д. 10/2 открылся ресторан, который назвали “Янтарь”. И, наконец-то, был сдан в эксплуатацию важнейший для жителей поселка объект – баня с парилкой. Теперь для празднования какого-либо события или хорошо попариться, не надо было идти к соседям – железнодорожникам. Все свое – под боком.

Ресторан сразу понравился жителям поселка машзавода,

особенно полюбили его учащиеся вечернего техникума, а позже и студенты-заочники ТПИ. Там был уютный банкетный зал, который как нельзя лучше подходил для небольших компаний студентов, которые отмечали здесь окончание сессий, защиту курсовых и дипломных проектов.

Здесь же с большим размахом отмечались дни рождений, юбилеи, праздновались свадьбы и т.п.

Особую популярность этот ресторан приобрел после того, когда для него было специально построено новое здание на ул. Октябрьская (открыт 8 Марта 1978 года). Это был уже целый комбинат: ресторан с баром на втором этаже с выходом на балкон, на первом – просторный пивбар и большой кулинарный отдел.

Вообще-то в так ругаемые теперь годы советской власти чувствовалась забота о человеке, только мы тогда этого не понимали. К тем проявлениям заботы о человеке, которые уже упомянуты (бесплатное медицинское обслуживание и бесплатное же получение образования, обязательное трудоустройство, низкая квартирная плата и т.д.), добавим широкую сеть пунктов общественного питания. Именно в те годы открывались новые столовые, рестораны, кафе, буфеты. К ресторану “Янтарь” добавился ресторан “Русь” (1984 год) при открывшейся гостинице, который стал конкурентом ресторану “Янтарь”. Но директор ресторана “Янтарь” М.Н. Локтионова не оставляла новому ресторану никаких шансов. У нее были фирменные блюда, которыми она удивляла узловчан. В подвальном помещении своего ресторана она выращивала шампиньоны, которые считались деликатесом, лучшей закуской.

Кроме трех ресторанов, было несколько кафе: “Волна”, “Янтарек”, “Луч”, “Былина” (на территории рынка), столовые (№8 и №16) на поселке машзавода.

На самом заводе при каждом большом цехе – своя столовая, буфеты, а в цехе №3 – большой пункт питания, в т.ч. кафетерий, где был бесплатный кофе и булочка в 10.00.

Это ли не забота о человеке? И что осталось сейчас? Почти ничего. Наши демократы беспокоятся только о себе. Иначе как объяснить разрушение всего, чего с таким трудом было построено за прошедшие нелегкие годы. Теперь в Узловой приезжому человеку и пообедать негде. Последнее заведение бывшего общепита (ресторан “Янтарь”) недавно пустили с торгов, и теперь там еще один магазин. Не много ли на небольшую Узловую?

Любители попариться теперь едут в соседний Новомосковск,

там отцы города совесть еще не потеряли: бани работают, одна из них для ветеранов предоставляет 50%-ную скидку.

Такова сегодняшняя действительность.

К этому времени посёлок заметно расширился, да и облик его изменился: появилось много двухэтажных домов; "палатки", которые приютили первых строителей, исчезли, постепенно исчезали и бараки. Многие мои однокашники вместе с родителями переехали в заводские дома. Правда, в то время каждая семья получала пока в двух- или трёхкомнатной квартире лишь одну комнату, кухня была общей. И очень неудобно было, если эта комната оказывалась проходной. Газа ещё не было, в ваннных комнатах были установлены "титаны" (так назывались специальные установки для подогрева воды). Расселялись из таких коммуналок значительно позже, когда завод расширялся и переоснащался, и строительство жилья шло гигантскими темпами.

1954 год

Нашей семье в этом смысле повезло только в 1954 году. В марте того года мы получили отдельную квартиру. Новое место жительства оказалось на краю посёлка, дальше было колхозное поле. Это были семь, так называемых, финских домиков, построенных для работников строительного управления, как позже бы сказали, хозспособом. То есть строили сами для себя. И улицу назвали в их честь - улицей Строителей (это сразу за теперешней улицей Фестивальная). Из-за большого числа желающих переселиться из бараков эти домики переоборудовали на четыре квартиры, хотя рассчитаны они были всего на две, как, например, позже на Любовке или на Горняцком. Поэтому каждой семье было положено всего две комнаты: "одна маленькая, а другая - ещё меньше". Но зато каждая семья имела отдельный вход, никаких совместных коридоров и кухонь, что по тем временам было большим преимуществом. Под кухню была приспособлена маленькая комната, почти всю её площадь занимала печь, которую топили дровами или углём. Тогда печь была не только источником тепла, а очагом культуры в помещении. Телевизоров, видеоманитофонов, компьютеров не было, и все домашние собирались вокруг печи. Приятно потрескивали дрова, уроки сделаны, можно было уютно усесться около печки, почитать книгу или послушать какую-нибудь историю, рассказанную кем-нибудь из взрослых. А если приходилось зайти "на огонёк" к соседям, то можно было услышать "правдивую" стра-

шилку про какого-нибудь деревенского колдуна. И это было иной раз даже поинтересней, чем у Гоголя...

Кстати, мой отец Николай Михайлович был известен в посёлке как хороший печник, благодаря ему и работникам его брига-

ды теплом были обеспечены все жители тогдашних барачков.

Когда надобность в печниках отпала, Н.М. Воронин работал каменщиком на стройке. Первые пятиэтажные кирпичные дома по улицам Беклеми-

Родители Воронина (Николай Михайлович и Анна Анисимовна) фото 1957 года

щева и Трегубова построены в 1955-57 гг. – дело его рук и рук его товарищей.

Водопровода не было, водоразборная колонка – в конце улицы, удобства – во дворе. Правда, был сарай, где мы потом оборудовали подвал (ни о каких холодильниках ещё и речи не было).

Но самое главное то, что перед домом был клочок земли, где можно было культивировать малину, смородину, крыжовник. Нашлось место и для грядок с луком и чесноком, сажали даже помидоры и огурцы. Всего было понемногу, но это было большим подспорьем. Экология тогда была нормальная, колорадского жука ещё никто не видел, и все посадки много времени не отнимали.

Весь этот (1954) год прошёл под лозунгами освоения целинных и залежных земель. Агитация поездки на целину была столь умело спланирована и столь оглушительна, что многие поддавались этому призыву: бросали налаженный быт, хорошую работу, родных и ехали в степи Казахстана поднимать новые земли. На освоение целины работало всё: газеты, журналы, радио, музыка, песни... Просыпались с песней "Едем мы, друзья, в дальние края", а засыпали с другой: "Едут новосёлы по земле целинной". А тут фильмы! "Первый эшелон", потом "Иван Бровкин на

целине" и другие. И люди ехали, ехали, ехали... Рабочие, колхозники, студенты, демобилизованные и многие другие.

Кроме того, в том же году с подачи Хрущёва был обнародован Указ Президиума Верховного Совета СССР о передаче Крыма в состав Украинской ССР в связи с 300-летием воссоединения Украины с Россией. Никто тогда не думал, что всего через несколько десятилетий эта "Всесоюзная здравница", эта истинно российская территория окажется вдруг за пределами России. Ведь всё "сводилось" к тому, что у нас нет национальных противоречий, что у нас единый советский народ, и неважно, кому официально принадлежит Крым. Всё равно он – советский! Все знали, что этот строй вечный! Если бы знать, чем это потом обернётся!

В городе в этом году появилось приятное новшество - в марте было открыто автобусное сообщение. Теперь за небольшую плату можно было с посёлка машзавода доехать до центра Узловой, которым тогда была Советская площадь: там в те годы проходили праздничные демонстрации и митинги, там было большинство магазинов (продовольственный №17, хлебный, мебельный, ещё

один продовольственный №4, посудохозяйственный, книжный) городская районная библиотека. Там же в здании дореволюционной постройки, где теперь военкомат, находилась советская власть (райисполком городского Совета), райком партии и

В. Воронин с сестрой Александрой

партийная библиотека. Вообще-то все эти здания, как и только что названное, тоже были построены в начале XX века и принадлежали местным купцам и ремесленникам.

Итак, автобусное движение было открыто. Автобусы были малой вместимости (народ называл их "коробочками"), их было мало,

остановки ещё не были оборудованы; одна из остановок была напротив недавно открывшегося ресторана "Янтарь", а рядом стоял километровый столб (49), указывающий расстояние до Тулы. За всем этим опять же чувствовалась забота о человеке. В связи с этим хочется напомнить землякам фамилии тех, кто руководил этими делами в городе. Это был председатель Узловского исполкома Б.В. Голяховский и секретарь партийной организации В.С. Атаманов (прошу прощение за упоминание КПСС, но ведь это наша история). Эти фамилии знали все жители Узловой. С этими руководителями города было связано всё: и хорошее, что они оставили после себя, и плохое, за что их ругали последними словами земляки, задержавшись на кухне после празднования какого-либо события. Уж таков русский человек!

Потом автопарк расширится, пополнится новыми, более вместительными и комфортабельными автобусами, увеличится число рейсов и маршрутов. Из Узловой станет возможным доехать до любого посёлка, до любой деревни, расположенной на трассе.

Но то, что создавалось постепенно и долго, разрушено быстро и безоглядно. Теперь по Узловой снуют юркие, но опасные во всех отношениях ГАЗели.

И наконец-то, достроили машзаводскую поликлинику по ул. Трудовые резервы. Она соседствовала с нашей школой. Стало очень удобно: поликлиника - в посёлке, и не надо больному, немолодому человеку проделывать неблизкий путь в город. Городская поликлиника всё ещё располагалась на ул. 1-я Садовая (теперь ул. Трегубова), 12. Правда, можно доехать на автобусе, т.к. эта улица начиналась как раз у Советской площади.

К этому времени школа №7 из семилетней была преобразована в среднюю, и в 1954 году состоялся первый выпуск. Директором школы с 1951 года был Николай Фёдорович Юрчиков, а Николай Иванович Воскресенский остался завучем. Школа пополнялась новыми кадрами, и в том же 1954 году в школе появились две молодые учительницы: историк Антонина Павловна Кузнецова и преподавательница иностранного языка Наталья Сергеевна Анисимова. Конечно, они потом вышли замуж, сменили фамилии, но мы - то помним их такими, какими они пришли к нам в школу. Такими же молодыми мы помним и других учителей: Зинаиду Ивановну Мишину, Нину Петровну Ерёмину, Анастасию Николаевну Елисееву, Екатерину Григорьевну Буракову, Веру Терентьевну Березневу.

Особое отношение у нас было к учителям-мужчинам. Их было

мало, но они оставили глубокий след в нашей памяти. Это Александр Сергеевич Молотков, Владимир Дмитриевич Титов, Аркадий Леонтьевич Ленц, Юрий Алексеевич Борисов, Афанасий Васильевич Копеин, Владимир Константинович Вейнский.

Только с хорошей стороны вспоминается наш завхоз дядя Петя (так мы его тогда звали), который вместе с семьёй жил при школе. Здесь же жила и уборщица школы тётя Полина с двумя сыновьями, учениками нашей школы и участниками всех наших игр и приключений.

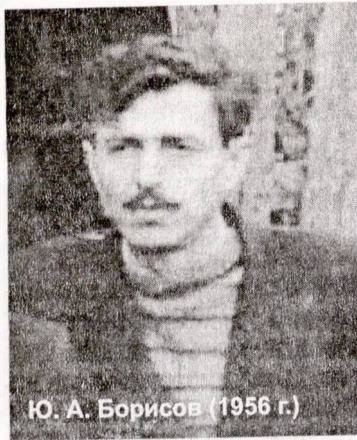
С учителями — мужчинами у нас, ребят, был хороший контакт. Конечно, и у них на уроках мы шалили, иногда хулиганили, но никогда не хамили! За все наши выходки нам стало стыдно, когда сами стали родителями. Особенно неудобно нам перед нашим физиком А.Л. Ленцем. Это был деликатный, тактичный, очень уравновешенный человек; как учитель никогда никого не наказывал, хотя наши "номера" зачастую могли довести кого угодно до инфаркта. А ведь преподавание физики сопровождалось лабораторными работами, на которых должна была соблюдаться элементарная техника безопасности.

Все мы помним, как один раз наш учитель не выдержал и так дернул одного из учеников за руку, что оторвал рукав от пиджака. Этот недотёпа на одной из лабораторных работ собрал электрическую цепь и, не дав проверить её учителю, вставил вилку в розетку. В результате — короткое замыкание и ещё один незаметный шрам на сердце учителя. И опять виновнику всё сошло с рук, а наш милый Аркадий Леонтьевич ходил вечером к родителям этого ученика и извинялся, как он говорил, за несдержанность.

А вообще-то А.Л. Ленц знал свой предмет в совершенстве, старался, очень старался, чтобы и мы серьёзно занимались этой нужной наукой. И очень жаль, что не все это понимали.

А.В. Копеин в старших классах вёл математику. Благодаря его преподавательскому мастерству, его оригинальной манере вести уроки мы легко справлялись с домашними заданиями по алгебре, геометрии и тригонометрии. А уж его шутки, каламбуры, афоризмы не забудем никогда. На его уроках нам никогда не было скучно.

Ю.А. Борисов пришёл к нам, когда мы учились уже в 10-м классе, и сразу повернул нас лицом к своему предмету. А преподавал он литературу. Юрий Алексеевич рассказывал нам много того, о чём в учебнике профессора Л.И. Тимофеева было напечатано мелким шрифтом или не упомянуто совсем. Учитель считал, то,

Ю. А. Борисов (1956 г.)

что написано в учебнике, мы и сами можем прочитать. Он стремился поделиться с нами тем, что знал сам из других источников. Он, можно сказать, открыл нам С. Есенина; много интересного узнали мы от него о жизни и творчестве других писателей и поэтов. Так было с Блоком, Ахматовой, Маяковским. Их творчество рассматривалось тогда только с одной стороны, Юрий Алексеевич познакомил нас с ними с другой стороны, незнакомой широкому кругу читателей. В то время это было рискованно хотя бы для карьеры.

Если я не ошибаюсь, именно он дал нам почитать "запрещённые" тогда романы Ильфа и Петрова "Золотой телёнок" и "Двадцать стульев" (издание 30-х годов). Желающих познакомиться с проделками Остапа Бендера было много, на получение книг хотя бы на два-три дня была очередь, мы читали их запоем. Интерес к этим книгам подогревался ещё и тем, что их в то время не переиздавали, а об авторах нигде ничего не писали.

А.С. Молотков начал преподавать нам историю древнего мира и за короткий срок успел так заинтересовать нас Древней Грецией и Древним Римом, что мы до сих пор интересуемся этой темой. Он наперечёт знал всех древнегреческих и древнеримских мифологических героев и богов.

Александр Сергеевич был участником войны; среди учеников ходил "слух", что он чуть не сгорел в самолёте, но чудом спасся. Правда это или нет — мы не успели узнать. Разбудив у нас интерес к древностям, он вскоре куда-то уехал. Но орденов и медалей на его праздничном пиджаке мы увидели много. А слух о его спасении из горящего самолёта родился не на пустом месте: лицо у него, действительно, было в шрамах.

Познакомив нас с многочисленными богами древних цивилизаций, сам он к ним относился непочтительно. Но нас предупреждал, что эти мифологические боги сами по себе ничего не стоят, но представляют интерес с другой стороны; вся поэзия "серебряного века" не обходится без них.

Особенно любил их А. С. Пушкин. Он часто упоминал в своих стихах Феба, Веспера, Эола и др. Хотя бы именно поэтому, го-

ворил учитель, мы должны знать их тоже, чтобы, читая классику и встречая эти имена, знать, о ком и о чём идёт речь.

В.К. Вейнский был нашим учителем по рисованию в младших классах. Его уроки в школе были один раз в неделю. Нам, немногим любителям рисования, этого было мало, и мы ещё бегали в Дом пионеров в кружок ИЗО, о котором я уже писал. Там мы учились видеть перспективу, объём тел, фактуру материала, цветопередачу и т.п. Некоторые из нас оформляли стенгазеты, а их в школе было много. Одно время стенная газета была в каждом классе, и шло даже негласное соревнование: чья газета лучше? А были ещё стенгазеты пионерской дружины, комсомольской организации, общешкольные. И все их надо было оформлять, особенно много времени и сил отнимало написание названия газеты. Шаблонов, штампов не было, а повторяться было дурным вкусом. Вот и корпели над газетой, жертвуя своим свободным временем. Другие в это время в футбол играют, а ты сидишь, малюешь... Оформление стенгазеты было неблагодарным делом, это своего рода бремя умеющего хоть чуть-чуть рисовать. А были у нас в этом деле и непререкаемые мастера. Преуспевал на уроках рисования в школе, на занятиях в Доме пионеров и при оформлении стенгазет мой одноклассник и друг Юрий Токарев. Как художник он подавал большие надежды. Профессионалы, видевшие его работы, советовали ему продолжить обучение в художественном учебном заведении. Он выбрал другой путь, но остался художником-любителем и часто в этом преуспевал и позже.

Ю. Токарев (фото 1954 г.)

О В. Д. Титове я тоже писал. Он был у нас учителем физкультуры и тренером по всем видам спорта, которыми мы пытались заниматься. А наши лыжники, стрелки, шахматисты, волейболисты, баскетболисты под его руководством не раз занимали призовые места в различных городских и общешкольных соревнованиях. И сам он был разносторонним спортсменом и очень энергичным человеком.

За десять лет обучения в школе мы осилили много предметов: одни, такие как ботаника, зоология, мы изучали только один год; другие, такие как математика, русский язык, история СССР, — не-

сколько лет. А был один предмет, который мы штудировали много лет, но так и не осилили его. Этот предмет, окончив школу, мы забыли совсем. Мы, конечно, учили его, некоторые добросовестно, что-то и как-то отвечали на уроках, даже успешно сдали выпускной экзамен, но все это не пошло впрок. Этим предметом был немецкий язык.

Мы учили его, начиная с пятого класса, некоторые еще 2-4 года в институте, и ни писать, ни читать, ни разговаривать на этом языке не можем. Его изучение хотели ввести ещё во втором классе, были даже выданы учебники. Но потом перенесли его изучение на более позднее время.

Всё дело, наверное, в том, что методика преподавания иностранного языка была несовершенна. Много времени отнимала грамматика языка, всякие спряжения, склонения, перфекты, плюсквамперфекты... Разговорный язык практиковался мало, большей частью его заменяли переводом текстов. Да и с кем практиковаться? С такими же, как мы сами? А произношение?

В связи с тем вспоминается, что, общаясь с пленными немцами, мы и то преуспевали больше, чем потом в школе. А к тому времени, когда немецкий язык стал для нас предметом изучения (а это 1950 год), пленнх немцев в Узловой уже не было.

Если откровенно сказать, то наряду с успехами по некоторым нужным, как мы считали, предметам были такие, на которые мы не очень-то обращали внимание, относились к ним, как к балласту. Мы пожалели об этом, но значительно позже. И это касалось не только немецкого языка.

А жизнь в школе кипела. Часто, перекусив яблоком или небольшим бутербродом (школьной столовой в те годы не было), мы оставались в школе после уроков. Дело в том, что с приходом в школу новой учительницы Н.С. Анисимовой у нас появилось новое увлечение. Молодая, энергичная, она организовала драматический кружок, участниками которого стали многие старшеклассники. Всем своим поведением, отношением к ученикам, тактичностью и деликатностью Наталья Сергеевна быстро завоевала авторитет среди учеников. Мы чувствовали себя с ней

В. Д. Титов (1956 г.)

почти наравне, по крайней мере, дистанция учитель-ученик здесь очень сократилась.

Но кружок остался кружком, ничего из задуманного поставлено не было. А задумано было немало: и “Молодая гвардия” (по Фадееву), и “Два капитана” (по Каверину). В силу многих причин постановка этих пьес не осуществилась, но репетиции после уроков были. И вот эти репетиции превращались в беседы об искусстве вообще и о кино в частности. По существу Н. С. Анисимова взвалила на себя нелёгкую ношу по нашему эстетическому воспитанию. Поездок в московские театры тогда не было, и об искусстве лицедейства мы могли судить только по фильмам. А фильмы того времени вызывали много разговоров. Один “Бродяга” чего стоил!

А фильмы того времени вызывали много разговоров. Один “Бродяга” чего стоил!

Это был индийский фильм с колоритной фигурой Раджа Капура в главной роли. На эту кинокартину было такое же столпотворение, как когда-то на “Тарзана”. Но если на “Тарзана” рвались в основном дети и подростки, то на “Бродягу” шли преимущественно представительницы “слабого” пола. Фильм был очень сентиментальным, всем было жаль главного героя, и женщины в зале плакали, забывая, что это всего лишь кино.

Песня, прозвучавшая в этом фильме, сразу понравилась всем. Её быстро перевели на русский язык, замечательный певец Рашид Бейбутов быстро записал её на пластинку, и она зазвучала всюду.

Что примечательно: почти все понравившиеся песни из иностранных фильмов звучали потом на русском языке. На это работали лучшие поэты-переводчики. Они переводили не буквально, а часто писали свой оригинальный текст, от этого песня только выигрывала. Так было с песней “Утомлённое солнце”, на тему которой было написано несколько русских текстов. Так было потом и с песнями из аргентинского фильма “Возраст любви” с незабываемой Лолитой Торрес в главной роли. Вслед за фильмом сразу же появилась пластинка с песнями из него, которые искромётно спела замечательная певица А. Коваленко. Песни в

её исполнении часто "крутили" на танцах.

Теперь А. Коваленко забыли. Забыт и Рашид Бейбутов. Забыты и другие исполнители, которые были гордостью советской эстрады того времени. А ведь многие теперешние "звёзды", за небольшим исключением, не идут с ними ни в какое сравнение. Тогда звучали на радио и на пластинках, кроме известных всем Леонида Утесова и Клавдии Шульженко, Мария Лукач, Нина Дорда, Георгий Виноградов, Капитолина Лазоренко, Зоя Рождественская, Владимир Бунчиков, Тамара Кравцова, Ружена Сикора, Георгий Абрамов, Роза Багланова и другие.

Лирические песни наших авторов тоже звучали тогда везде: на концертах, по радио, на танцах. Причём, это были песни хорошие не только в музыкальном отношении, но и с добротным поэтическим текстом. По тем песням теперь можно безошибочно определить год их звучания. Это своего рода примета времени. Например, если теперь звучит песня "Севастопольский вальс", то сразу вспоминается 1954 год. Этим вальсом тогда начинались и заканчивались все танцы. А если звучит "Мишка", то это – 1955 год. Именно в этот год эта песня была самой популярной.

В те же годы прозвучала известная и теперь иностранная песенка "Бесаме Мучо". Это была первая ласточка зарубежной эстрады после поднятия "железного" занавеса. Потом были другие песни, песни Ива Монтана, его приезд в Москву и ажиотаж в связи с этим.

И тут опять вспоминаются те далёкие пятидесятые годы прошлого века, когда на наш экран пробилась фильмы "загнивающего" Запада. Были модными недели показа иностранных фильмов: неделя французского кино (тогда-то мы узнали Ива Монтана), неделя итальянского кино, неделя аргентинского кино и т.п.

Мы за лето подрастали,

Нас на французское пускали...

Скромнее было то кино,

Сейчас эротика полно.

Если кто помнит, тогда на фильмы с небольшим намёком на эротику была приписка "Дети до 16 лет не допускаются". Именно эта надпись часто больше всего привлекала зрителей.

А что сейчас творится на экране! Советских, русских фильмов почти нет. По телевидению на всех 16 каналах идут американские боевики с десятками трупов в финале, триллеры и эротика. Из-за часто показываемых эротических фильмов всё стало обыденным, пресным. На экране как будто идёт соревнова-

ние: кто лучше разденется. Не то что раньше, когда герой итало-французского фильма "Красное и чёрное" в исполнении Жерара Филипа только просунул руку под ночную рубашку своей любовницы, весь зал замер, а потом одновременно выдохнул то ли "Ох", то ли "Ах"...

А наши эстрадные "звёзды" и "звёздочки" уже не шьют себе концертные платья, они просто в день выступления с утра не одеваются, так и выступают.

Это и было темой наших стихийных обсуждений на вечерних репетициях: кино, музыка, артисты, песни.

Что касается другой учительницы, прибывшей в школу в 1954 году, то она переняла эстафету у нашего историка А.С. Молотова и стала преподавать историю СССР. Но вот незадача: из этой эстафеты выпал целый этап. Кто-то ведь преподавал нам после истории древнего мира историю средних веков... Но кто? Вспоминаю и не могу вспомнить. Именно поэтому, наверно, по истории средних веков в памяти сплошные пробелы. Ну как тут не согласиться с утверждением, что знания учеников во многом зависят от личности преподавателя, от его умения заинтересовать молодые умы своим предметом.

А. П. Кузнецова смогла заинтересовать нас историей отечества. Именно заинтересовать, да так, что мы до сих пор не утратили этот интерес, несмотря на то, что многое теперь поменялось в оценке исторических фактов. Для удовлетворения негаснущего интереса к этой теме мы и сейчас штудлируем все материалы по истории, появляющиеся в прессе.

Вспоминается один из уроков по истории СССР в 9-м классе, когда учительница рассказывала о победе русской армии в Русско-турецкой войне XVIII века, по окончании которой был заключен Кучук-Кайнарджийский мир. Отвечая потом у доски, не каждый из нас сразу мог выговаривать название этого населённого пункта без запинки.

Вообще-то по истории СССР, особенно по истории советского периода, даже в то время возникало немало вопросов. Нельзя сказать, что мы были прозорливы, как те, которые пишут теперь задним числом, что они и это знали, и о том догадывались. Нет! Ничего такого мы не знали и ни о чём таком не догадыва-

лись. Но вопросы, вопросы... Никуда нельзя было от них деться. И как им было не возникнуть, если, изучая историю гражданской войны по учебнику того времени (проф. К.В. Базилевич и др.), получалось, что всю гражданскую войну выиграли кавалеристы Будённый с Ворошиловым, да ещё Чапаев с Котовским. И кстати, почему упоминалась только 1-я Конная армия? Где 2-я? Ведь по логике вещей, если есть первая, то должна быть вторая. Оказывается, была 2-я Конная армия, но по идеологическим соображениям ей не было места в тогдашней истории.

Такие мысли бродили тогда у нас в голове, такие вопросы возникали, но мы их даже не задавали. И ответ на эти вопросы мы получили намного позднее.

И теперь остаётся сказать ещё несколько слов о нашем многоуважаемом Николае Ивановиче Воскресенском. До 1951 года он возглавлял нашу школу, а потом долгие годы был бессменным завучем. На этом посту он был как политрук при командире, воспитатель с большой буквы. Прекрасной души человек, умный, интеллигентный, он одним из первых в городе работников народного образования получил высокое звание "Заслуженный учитель РСФСР". Методику его преподавания изучали многие его коллеги, ученики. Благодаря его выдержке, тактичности, терпению, умению общаться с любой аудиторией ни одна судьба ни одного ученика не была сломана. Все поддавались его уговорам, его влиянию. А ведь ребята военной поры были отчаянные и, чего греха таить, творили всякое.

Когда мы начали учиться в 8-м классе, в школе стало многолюдней и шумней. Появилось много новых учеников, это были ребята из ближайших деревень и посёлков. После окончания деревенской семилетки те из учеников, кто захотел продолжить обучение, были вынуждены ходить, вернее, добираться, кто на чём может, в Узловую. К нам в школу пришли учиться ребята из Бибиково, Каменки, Вельмино, Торбеевки, с посёлка шахт 43-44 (теперь это посёлок Майский) и из других мест. Велико было их желание получить среднее образование! Их не останавливало ни дальнейшее расстояние, ни зимняя метель, ни весенняя распутица. Но был здесь и свой плюс: многие ребята зимой в школу добирались на лыжах и при таких ежедневных тренировках им потом не было равных на лыжных соревнованиях.

Но был и минус: получение среднего образования было платным. Платить надо было два раза в год по 150 рублей при средней зарплате наших родителей 700-750 рублей в месяц. К счастью, это

было недолго, кажется, в 1955 году плату за обучение отменили.

Наши дети получали образование, в том числе и высшее, бесплатно и даже не догадывались, что их родители когда-то платили за это.

Но вот внукам нашим теперь приходится платить, если они хотят иметь высшее образование. А нам, атеистам и безбожникам, теперь приходится молить Бога, чтобы наши дети имели работу, получали вовремя достойную заработанную плату, чтобы смогли оплатить обучение своих детей, наших внуков, в ВУЗах.

Нина Моторина

В 1954 году к нам в класс пришла новая ученица. Это была девушка с шикарной косой за плечами. Звали её Нина Моторина. Она оказалась скромной, приветливой и радушной во всех отношениях. Быстро подружилась с одноклассницами, особенно с Таисией Афанасьевой, и скоро стала лидером в учёбе.

Всё оставшееся время до выпуска из школы тон в учёбе задавали они: Афанасьева и Моторина. У кого можно было проконсультироваться по математике, физике, химии, а то и просто списать? У них! Они никогда не приходили на урок, не выполнив домашнего задания, чего не скажешь о нас. Если по математике мы ещё старались сделать (и делали) домашние задания, то на химию, например, мы вообще не обращали внимания, ведь это не профилирующий предмет, да и химиками быть мы не собирались. Поэтому к урокам химии мы готовились кое-как, а задачи просто списывали у наших девочек.

И кто же мог предположить, что через много лет химия станет вдруг чуть ли не основным предметом в школе. Случилось это тогда, когда "очередной продолжатель дела Ленина" к известному его лозунгу присовокупит своё: "... плюс химизация". И сразу химия стала профилирующим предметом, и её включили в число предметов, сдаваемых при поступлении в ВУЗ. Правда, было это недолго, всего года два, но именно в это время автору этих строк,

уже имея за плечами среднетехническое образование, полученное без отрыва от производства, вздумалось вдруг ровно через 10 лет после окончания школы получить ещё и высшее образование (заочно). Вот тут-то и аукнулось пренебрежение к химии. Но это препятствие было благополучно преодолено: всё-таки не зря наша химичка Мария Никитична Корпова изводила нас формулами и опытами.

Хотя прошло уж много лет,
Мы помним наш химкабинет!
Там были опыты... и взрывы,
Как мы остались только живы?!

Шутки-шутками, но вступительный экзамен был сдан, и в "награду" за это пришлось ещё два года изучать эту науку в институте.

А подругам Афанасьевой и Моториной химия была нужна, они уже тогда знали, что пойдут в медицинский институт. Окончив школу, они так и сделали. Конкурс в это учебное заведение всегда был большой, но они легко преодолели этот барьер. А для Таисии Афанасьевой это вообще была не преграда, её зачислили в ВУЗ без экзаменов. Она первая в истории нашей школы стала обладательницей золотой медали.

Лариса Россихина

Преодолев все трудности с поступлением в институт, ещё одна наша одноклассница пошла по медицинской линии. Это была Лариса Россихина.

Теперь это уважаемые земляками известные всему городу врачи: Нина Леоновна Подшибякина (Моторина) и Лариса Алексеевна Токарева (Россихина). Третья подруга, Таисия Григорьевна Афанасьева, закончив мединститут, осталась жить и работать в Москве.

Завод и посёлок продолжали строиться. На пустыре между посёлком машзавода и улицей Горького был заложен фундамент будущего Дворца культуры. Зем-

Таисия Афанасьева

лю из этого котлована и других новостроек вывозили на возведение плотины на реке Любовка. Водоём уже был открыт и освоен нами. На то время это было лучшее место летнего отдыха узловчан.

Вообще прудов в Узловой, кроме Свиридовского, было много. Был ещё пруд на месте теперешнего пустыря напротив Дворца культуры. Теперь этот ручей, запруда которого и образовывала пруд, упрятан в трубы и находится под пустырьём. Строить там ничего нельзя, но обустроить, облагородить можно. Многие обещали это сделать, особенно накануне очередных выборов, но который год это место зарастает чертополохом и татарником в рост человека. И всё это – в центре города!

Ещё были пруды на территории нынешней городской больницы. Один уже упоминался, второй был ниже. Сейчас на этом месте тоже пустырь (это уже ул. Циолковского).

Было три пруда на выезде из города. Один из них, что слева, – остался, два других, что справа, – засыпаны. Теперь там развязка окружной дороги, где стоит памятник девушкам-зенитчицам. Мы ещё мальчишками исследовали все эти пруды, во многих купались. Ходили даже в деревню Бибиково, там в конце 40-х годов был хороший чистый пруд. Многие из нас именно там научились плавать.

Купались мы много и часто. Сезон купания открывали рано, иногда очень рано. Особым шиком в нашей компании считалось искупаться 1-го мая хотя бы в том же Свиридовском пруду. В начале пятидесятых годов там ещё можно было купаться. Обычно это происходило после демонстрации (если ещё кто помнит такое мероприятие). Купались мы, несмотря на то, что в это время вода была ещё холодной. Но никто не отступал, иначе сочтут трусом. Вот и лезли в холодную воду и всё только для того, чтобы потом с гордостью вспоминать: "А помнишь, как мы купались 1-го мая"? Ответ был не обязателен, но как мы вырастали в собственных глазах. Эх, знали б о том наши родители...

Позднее мы ходили на водоём, который был обустроен на месте районной колхозной школы (РКШ). Это за теперешним дрожжевым заводом. Там в середине 50-х годов находился хороший водоём с базой отдыха, как и на Любовке, но он был намного дальше. На водоём РКШ добирались только пешком, а вот до Любовки порой удавалось доехать на попутной машине со знакомым шофёром, который вёз землю из какого-нибудь котлована для укрепления плотины.

Теперь строительство шло не только на посёлке машзавода, но и в городе. На месте разрушенного во время войны военкомата на Советской площади начали возводить большое здание – будущий Узловский универсальный магазин (УУМ), стройку которого закончат в 1955 году, а откроют его в январе следующего 1956 года. Это был хороший подарок жителям города. Двухэтажное здание с просторными торговыми залами вмещало много товаров: здесь были хозяйственные и электрические товары, парфюмерия, ткани – внизу. Наверху большой выбор женской и мужской одежды и сопутствующих товаров. Такой магазин очень нужен был Узловой, и она его получила.

Многое изменилось с тех пор. Тот большой универсальный магазин, который долгие годы снабжал узловчан различными товарами, теперь потерял своё главенствующее значение. Он сохранял свой приоритет даже тогда, когда Советская площадь, на которой он стоял, утратила статус главной площади города. Все торжественные мероприятия (демонстрации, митинги, парады, концерты) с 1965 года стали проводиться на площади Ленина, где расположено здание администрации города и кинотеатр “Юность”. С этого времени Советская площадь пришла в запустение, она оказалась на “задворках” города. Магазины, расположенные там (УУМ, “Малыш” и продовольственный), ещё действовали, но с течением времени и они были перепрофилированы. Как сводит концы с концами бывший центральный магазин города – непонятно. Тот район города теперь малопосещаем.

Малопосещаемой стала и бывшая одной из главных улиц города – Советская. Именно на ней раньше был расположен главный очаг культуры города – клуб железнодорожников, мероприятия в котором всегда были событием для всех узловчан. Даже тогда, когда начал функционировать новый Дворец культуры машиностроителей, клуб железнодорожников не терял своего зрителя.

Мы, жители посёлка машзавода, посещали его конечно реже, чем свой клуб, хоть он и был тогда расположен в обыкновенном бараке. В своём родном клубе мы “жили”, он был освоен нами от помещения под сценой до крыши. А в клуб железнодорожников мы ходили тогда, когда там проводились общегородские школьные мероприятия. Особенно запомнились ежегодные смотры художественной самодеятельности, которые всегда проводились в апреле.

И на всех этих сборах, слётах, конференциях, концертах “ца-

рила" юная Анечка (так её все звали тогда) Аксёнова, одетая так, как тогда одевались все комсомольские активистки: "белый верх, чёрный низ". На белой кофточке рубином горел комсомольский значок, а на шее развивался тщательно отутюженный алый пионерский галстук. Такой она запомнилась нашему поколению.

Следующему поколению она запомнилась тем, что хорошо поставленным, прямо таки дикторским голосом озвучивала с трибуны все торжества по случаю красочных и бодрых, улы, бывших советских праздников. И здесь остаётся только с сожалением воскликнуть: "Каких праздников лишили народ!" Сейчас одна серость и скука...

И уж совсем недавно вся Узловая знала Анну Аксёнову (теперь она Анна Тихоновна Ющенко) как бессменного директора городского Дома пионеров, расположенного в очень интересном для Узловой особнячке на улице Гагарина.

Теперь эту архитектурную "изюминку" превратили в какой-то замок с окнами-бойницами. Как обезобразили его внешний вид! Ведь этот особнячок с незапамятных времён украшал улицу! И как хорошо, гармонично смотрелся он рядом с домом-великаном, новым 9-этажным зданием.

Архитектурный облик города очень изменился. Известно, что посёлок машзавода строили на пустом месте. Там, где были построены первые двухэтажные дома, раньше колосились хлеба.

Одноэтажная Узловая оставалась нетронутой. Это потом её изуродуют перекрытием улиц, ликвидацией их; домами, расположенными под немислимыми углами друг к другу; нависанием балконов над тротуаром и т.п.

Хороши были улочки одноэтажной Узловой с прелестными названиями: Дачная, Садовая, Луговая и другие.

При наступлении весны на этих зелёных и тенистых улицах расцветала сирень. Белые, розовые, лиловые гроздья соцветий

Городской Дом пионеров.
Фото автора. 1966 г.

свешивались над штакетником, радуя прохожих. А когда расцвела и черёмуха, её нежный дерзкий запах дурманил голову. Устоявшаяся к тому времени тёплая погода сменялась похолоданием. Через неделю от этого великолепия не оставалось и следа, изящные невесомые лепестки от лёгкого дуновения ветра устилали землю белыми конфетти. |

Красиво было на этих улочках и осенью, когда все тротуары были покрыты ковром из разноцветных листьев.

Золото, пурпур и охра...

Красок каких только нет!

Как для парадного смотра

Осенью парк разодет.

Это уже впечатление о парке железнодорожников.

А зимой... Идёшь по улице и встречаешь берёзку, родную русскую берёзку, покрытую сверкающим инеем. Ну, как тут не остановиться!

В парк железнодорожников мы теперь заходили, чтобы покататься на качелях. Этот аттракцион установили рядом с танцплощадкой совсем недавно, и туда всегда была очередь. Когда подходила наша, мы с друзьями "отрывались" по полной. Большим шиком было качаться так, чтобы люлька взлетала на полную высоту, и слышен был стук держателей люльки о перекладину. В этот момент наступал тот миг невесомости, к которому мы стремились, и собственно ради которого мы и шли покататься. В тот момент ноги на мгновение отрывались от на-

Ул. Первомайская,
1966 г.
Фото автора

стила люльки, на котором мы стояли, и держали только руки. Конечно, это было рискованно, опасно, особенно если ноги стояли не на настиле внутри люльки, а на её спинке. Этот трюк был рассчитан больше на публику, в основном, конечно, на девчат, стоявших рядом с качелями. Но после того, как мы стали свидетелями нескольких падений других "смельчаков", прекратили эту игру. А без этого и сами качели перестали привлекать нас.

Немыми свидетелями этих приключений были большие гипсовые статуи Сталина и Ворошилова, стоящих неподалёку. Статуя Сталина в длиннополой кавалерийской шинели стояла напротив летнего ресторана, и её было видно отовсюду. А статуя Ворошилова была установлена у аллеи, ведущей на стадион.

Перестраивать, перекраивать город стали в конце пятидесятых застройкой улиц Беклемищева и Трегубова. Первые "шахтёрские" дома старой планировки с высокими потолками появились уже в 1957 году. Именно с того года жителям оставшихся частных домов не рекомендовали делать в своих домах капитальный ремонт или что-либо подстраивать. С тех пор прошло почти 50 лет, а многие из тех домов ещё стоят. Стоят – это громко сказано. Они на глазах разваливаются и только портят внешний вид улиц.

В Узловой нет ни одной приличной улицы, которой можно было бы гордиться. Как ездили наши предки из одной деревни (Бибиково) в другую (Воейково) на телегах, как проложили колею, так потом и мостили дороги их потомки. Только в одном месте чуть спрямили дорогу. Это был крутой поворот налево, который огибал глубокий овраг с ручьём у Свиридовского пруда. Дорогу спрямили, овраг засыпали и разбили сквер. Ныне это зелёный островок в центре города с памятником нашему земляку А. П. Завенягину, фигуре, до конца не оценённой и не до конца раскрытой.

Одна улица претендует на уважение, это нынешняя улица Гагарина (бывшая 1-я Дачная), как раз та, где был расположен интересный особнячок с колоннами у входа. Правая сторона этой улицы застроена современными пятиэтажными домами (9-й магазин, отдел ЗАГСа, магазин "Ледокол"), а на левой стороне немой укором проектировщикам и строителям стоят две обшарпанные коробки довоенной постройки: здание бывшей центральной почты и здание бывшей школы № 26, о которой замечательно написал её выпускник, наш земляк А. Кузьмичёв в своём романе "Дети становятся взрослыми".

Чем роман его хорош,
Здесь всё про Узловую.
Места родные узнаёшь
И школу дорожую.

На этой же улице стоял горком КПСС, обитатели которого имели всё: материал, транспорт, технику, рабочую силу, финансы, власть, наконец, чтобы изменить облик этой улицы и всего города.

Много воды утекло с тех пор. Менялись те, от кого зависело всё в городе: первые секретари, председатели горсоветов, мэры. Теперь властвуют главы муниципальных образований, но никто из них не удосужился сделать главную магистраль города настоящей улицей!

Пока Узловая была в составе Московской области, снабжение продуктами было хорошим. К нам даже приезжали отовариваться жители соседних областей и даже из Тулы и Орла. Кто из нашего поколения не помнит знаменитый 17-й магазин, расположенный на Советской площади? Потом на этом месте возведут 2-этажный магазин с вывеской "Малыш", где внизу был продовольственный магазин, а наверху магазин детской одежды (теперь там городской подростковый клуб).

17-й магазин был угловым и имел три отдела: бакалею, гастрономию и мясной. Основным продуктом, по которому всегда определялось благополучие простого народа, была колбаса. Так вот в середине пятидесятих годов прошлого века в этом магазине всегда имелось несколько сортов колбасных изделий. Это потом уже в более поздние годы снаряжались автобусы и отправлялись дизели из восьми вагонов четыре раза в сутки в Москву за этой самой колбасой. Кроме Москвы, её больше нигде не было.

А тут за стеклянной витриной – колбаса "чайная" (по 16 рублей), колбаса "докторская" (по 19 рублей), колбаса "краковская" (по 37 рублей). Последняя была копчёной, сохранялась долго, но её брали меньше, не каждому она была по карману. Брали мало, но вид и особенно запах её завораживал покупателя. Этот запах натуральной копчёной колбасы подкарауливал покупателей ещё на подходе к магазину. Да что и говорить: тогда на качество продуктов обращали большое внимание, соблюдали все ГОСТы. Колбасу и другие мясные продукты делали из натурального мяса, не то что сейчас. Кроме колбасы, в продаже всегда имелись сыры, масло сливочное, в том числе знаменитое "вологодское", конфеты, печенье и консервы, варенья, джемы, соки и многое другое. В

мясном отделе не было недостатка в свинине (по 19 рублей за килограмм), в говядине и баранине (по 17 рублей).

Именно потому, что мясо имелось в магазине, на базаре оно стоило дешевле, и можно было торговаться. Перекупщиков не существовало, каждый продавал своё, а базар есть базар. Но стоит признать, несмотря на то, что мясных продуктов было много и цены вроде были доступные, покупали мясо мало и редко. Ещё не было того достатка, который позволял бы чувствовать себя независимым. В те годы ещё существовала скрытая безработица. Предприятий было мало, это потом много позже будут построены ещё два больших завода, несколько крупных фабрик. Во многих семьях моих сверстников работал один человек — глава семьи. Женщины обычно не работали, а детей в семьях всегда было больше одного. Поэтому достаток был не ахти какой, как говорится “не до жиру, быть бы живу”. Запросы были скромные, одевались очень просто, мебели — минимум, да и куда её ставить, если жили в полуземлянках, в бараках, чуть позднее — в коммуналках. Это сейчас квартиры, да комнат чтобы как можно больше. Но вот детей в семьях — всё меньше. Складывается мнение, что количество детей в настоящее время обратно пропорционально количеству комнат в квартире. Поэтому и растут они закормленными эгоистами. А дети того времени радовались конфетам-подушечкам.

Достаток, достаток... Тогда его не было, поэтому и в магазинах имелось всё. Была даже икра чёрная и красная и не в баночках на одну ложку, а стояла в бочках, и пресловутые “крабы” в изобилии. Но всего этого мы тогда даже не кушали.

Потом, когда мы сами начали работать и уже смогли бы побаловать себя и близких деликатесами, эти продукты исчезли из продажи. Икрой можно было побаловаться опять же только в Москве. Там в гастрономе на первом этаже самого большого магазина (ГУМ) стояли “автоматы” по продаже бутербродов. Надо было прийти туда с утра, только тогда можно было приобрести бутерброды с икрой, но они быстро заканчивались. Как говорится: “кто не успел, тот опоздал”.

А уж когда в начале шестидесятых согласно новой программе КПСС начали создавать материально-техническую базу для грядущего коммунизма, из свободной продажи исчезло всё. Даже крупяные изделия стали выдавать по спискам. Каждую семью закрепили за определённым магазином, где у продавцов были эти “гроссбухи”, на всех и по определённым числам каждой се-

мые отпускали продукты первой необходимости по числу членов семьи, включая новорожденных детей. Это было похуже, чем распределение по карточкам, что мы тоже помним.

История повторяется, и доказательством тому служит распределение этих первоочередных продуктов (масло, крупа, сахар, водка) по талонам в начале девяностых годов. Это уже все помнят, и у некоторых даже сохранились эти неотоваренные талоны, которые выдавали в ЖКО опять же на каждого члена семьи.

В те далёкие пятидесятые годы мы, дети, подростки, не докучали родителям просьбами о деньгах. Мы знали, что на наши нужды их не хватает. Поэтому мы старались “добыть” их сами, хотя бы на карманные расходы. Одним из способов был сбор цветного металлолома. Опять история даёт нам урок повторения. Сейчас то же самое, но масштабы?! Что мог найти из цветного металла на улице подросток? Конечно, проволоку, хорошо, если попадался свинец от разбитого аккумулятора. Всё это сминалось, скручивалось, в середину для веса пряталась какая-нибудь подходящая железка. Думая, что мы хитро придумали и обманули приёмщика, очень радовались тому, что он нам платил за это. Но он обманывал нас ещё больше, давая какие-нибудь копейки или мячик из опилок, подпрыгивающий на резинке. Деньги, хоть и небольшие, были наши, и мы могли тратить их как хотели. Что тогда можно было купить на них?

Газированная вода с сиропом стоила тогда (до денежной реформы 1961 года) — 40 копеек. Мороженое “Эскимо” (на палочке) — 1 рубль 10 копеек, билет в кино — 1 рубль, леденцы в красивой круглой жестяной баночке — 1,5 рубля, марка для письма — 30 копеек. Но письмо в те годы иногда отправляли без марки, называлось оно “доплатное”, и стоимость его пересылки оплачивалась уже получателем. За доставку “доплатного” письма тариф был значительно выше, чем отправление его с обычной стандартной маркой. Да и сами конверты с маркой появились лишь года через два после окончания войны. До их появления в ходу были письма без марок, свёрнутые треугольником. Именно такие письма-треугольники теперь являются главными экспонатами в музеях времён Великой Отечественной войны.

В то трудное, полуголодное время, когда мы по задворкам искали медную проволоку, чтобы, сдав её, иметь “карманные” деньги, нам ни в каком сне не могло присниться, какие деньги, какую баснословную прибыль будет приносить бизнес, связанный с ломом цветных металлов. Под видом лома сейчас сдают

всё, что можно снять, открутить, отрезать с работающих машин, агрегатов, изделий. Ведь даже чеховский “злоумышленник”, откручивая одну из гаек, которыми крепятся рельсы, говорил: “Мы ведь не все отвинчиваем... оставляем... не без ума делаем... понимаем”... А современные заготовители лома действуют без понятий. После их “деятельности” машины остаются без движения, деревни и посёлки – без света. Раньше такая деятельность называлась вредительством со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но не было бы этого вредительства, если бы не было закона, позволяющего легально заниматься этим бизнесом. В первую очередь ответственность за это должны нести законодатели. “За державу обидно”, - говорил герой известного фильма. И он прав.

Сборщики металлолома
(В.Воронин с двоюродными братьями)
1951 г.

Мы, дети и подростки послевоенных лет, много времени проводили на улице. Тогда не было телевидения и других благ цивилизации, задерживающих нынешних акселератов у экрана. Не было и телефонной связи, но мы все как один, не сговариваясь, через час-полтора после прихода из школы высказывали на улице.

Этого времени, что мы были дома, нам хватало, чтобы перекусить, сделать уроки. На улице было так много интересного!

Известно, что в подростковом возрасте принято бравировать. В одиночку никто ничего рискованного не делал, а на виду у всех нельзя было показать, что ты не можешь что-то сделать, что делают все. Нельзя было не уметь плавать, нырять, подтягиваться, прыгать с высоты и т.п. Ведь в ребячьих компаниях всегда идёт борьба за признание, за лидерство, за элементарное уважение, в конце концов.

Но по этому поводу никто не злорадствовал. Просто тех, кто что-то не умел делать, учили, помогали, даже опекали, особенно старшие младших. Но везде и всегда не любили нытиков, выскочек, хвастунов, зазнаек и обманщиков.

Серьёзных драк в наших тогдашних компаниях не было. Были,

конечно, потасовки, но они быстро заканчивались миром.

Как и у всех детей, в том возрасте и у нас были считалки и дразнилки, клички, розыгрыши и т.д. Но всё это без злости и жестокости.

В раннем детском возрасте у нас преобладали подвижные игры, такие как догонялки (салки), прятки, казаки-разбойники, 12 палочек и другие. При этом то и дело слышалось: “За одним не гонка” или “Неотвожа – красна рожа”. Эти присказки можно слышать и теперь. Были ещё такие мини-игры, как “Ваша зелень” и “Замри”.

Вспоминается время по запомнившимся выкрикам: “Сорок восемь! Сорок один!”. Все они предназначались тому, кто что-нибудь жевал на виду у всех. Здесь “48” означало “половину просим”, а “41” – “никому не дадим”. Кто вперед назовёт эти магические цифры, так и должно быть.

С годами наши игры, пристрастия и сам досуг менялись. В старших классах нас тянуло уже к более серьёзным занятиям.

Ещё в седьмом классе, а это 1953 год, наш физрук В.Д. Титов организовал в школе стрелковый кружок. Для этого через организацию Добровольного общества содействия армии, авиации и флоту (ДОСААФ) школе было выделено несколько малокалиберных винтовок и открыт лимит на патроны к ним.

Стоит, наверно, пояснить, что сразу после войны в стране были созданы три добровольных общества, которые покровительствовали и помогали нашим доблестным воинам. Эти общества (ДОСААРМ, ДОСАВ и ДОСФЛОТ) в 1951 году были объединены в одно (ДОСААФ) и имели единое руководство, которое находилось в Москве при министерстве обороны. Под вывеской этой организации стали действовать многочисленные клубы, школы, кружки для подготовки молодых людей к службе в армии. Общество имело много филиалов, а первичные организации были созданы на всех предприятиях и даже в школах. Во главе этой неслабой в финансовом отношении организации стоял её Центральный комитет (ЦК ДОСААФ).

Сначала мы тренировались на втором этаже школы по воскресеньям, когда там никого не было, а потом переместились в подвал. Там благодаря нашему завхозу был оборудован приличный тир, где мы стали ежедневно тренироваться по вечерам. С 1954 года стрелковая команда нашей школы, которая была создана из членов этого кружка, начала участвовать в городских соревнованиях по стрельбе, где соперниками были не только команды из других школ, но и команды стрелков городских пред-

приятый (машзавод, депо и др.).

Команда нашей школы в те годы была на высоте, некоторые из нас выполнили норматив третьего разряда и с гордостью носили значок разрядника. Мы занимали призовые места на городских соревнованиях, получали грамоты, дипломы, подарки.

Особенно отличился наш одноклассник Анатолий Шумаков. Это был разносторонний спортсмен. Он отлично играл в волейбол и баскетбол, неплохо ходил на лыжах, замечательно стрелял. Его, ещё ученика седьмого класса, брали в свои команды по игровым видам спорта старшеклассники. А по стрельбе из малокалиберной винтовки он, пришедший в команду гораздо позже остальных, вскоре установил недостижимый для нас рекорд: 96 очков из 100 возможных.

Вообще-то в школьном подвале, где происходили тренировки, дисциплина была строгая, но иногда в отсутствие В.Д. Титова мы позволяли себе погусарить: стреляли по бутылкам, по монетам. Потом это нам здорово пригодилось, когда пришлось служить в армии.

А. Шумаков
(на фото 1953 года)

А посёлок продолжал расширяться. Уже рядом со школой появилась поликлиника для рабочих машзавода, а чуть дальше по этой же улице Трудовые резервы – новое трёхэтажное здание для технического училища.

Кроме того, почти за школой на пустыре начали строить машзаводской стадион, и нас, школьников старших классов, стали привлекать на посильные работы по его строительству и благоустройству. Для этого администрация школы часто жертвовала нашими уроками физкультуры. А мы и не роптали, даже наоборот, совмещали приятное с полезным: выкопав пару ямок для будущих трибун или посадив два-три кустика по периметру стадиона, тут же начинали гонять мяч в одни ворота или затевали весёлую игру в чехарду.

В эти годы у некоторых из нас появились велосипеды. Немногочисленным владельцам велосипедов завидовали, для многих

он тогда был ещё недоступен. Новых велосипедов вообще было мало, они стоили дорого. Стоимость их была почти равна месячной зарплате каменщика или землекопа. Да и купить их было негде, впервые они появились в свободной продаже при открытии нового универмага в Узловой в январе 1956 года. А нам родители покупали велосипеды уже бывшие в употреблении. Это было не так дорого и, если купленный велосипед перебрать, подтянуть, где надо, смазать, то получалось неплохое средство передвижения, которым мы пользовались восторженно. В основном это были отечественные велосипеды: "Прогресс" (ЗиС, г. Москва) и "Кама" (ЗиМ, г. Молотов, теперь г. Пермь). Они были тяжёлыми на ходу и по весу. Не в пример им большой популярностью пользовались очень лёгкие на ходу трофейные велосипеды фирм MIFA и DIAMAN.

Собственники двухколёсных машин очень гордились ими, чистили и смазывали, следили за внешним видом. Они часто приезжали после уроков на школьную площадку, где шли волейбольные или баскетбольные схватки между стихийно созданными командами. Когда кто-нибудь из владельцев велосипедов привлекался в набираемую команду волейболистов, его велосипед просил покататься кто-то из проигравших. Получив разрешение, счастливчик делал круг-другой по посёлку. Нынешним владельцам крутых иномарок, конечно, не понять нас, тогдашних немногочисленных владельцев велосипедов.

Мы тоже катали девочек на своих "машинах" (на рамке или на багажнике) и даже возили их купать на Любовку или в Кузьмищево. Несколько раз делали дальние поездки на Иван-озеро.

Кроме поездок на дальние расстояния на велосипедах, мы иногда собирались компанией из одних ребят и ездили за орехами на "товарняке" в Жданку или Товарково. Садились на ходу, когда локомотив сбавлял скорость на подъёме, а покидали его тоже на ходу, спрыгивая с подножки. Это был, конечно, риск и немалый. Не советую его никому повторять (хотя нам говорили тогда то же самое)... Слава Богу, что всё обходилось благополучно.

Тогда же начали благоустраивать заводскую площадь, где были построены два трёхэтажных здания для заводоуправления по обе стороны от центральных заводских ворот. Столовая № 8, стоявшая рядом, была построена раньше.

За проходной проглядывали корпуса основных цехов, уже работавших к тому времени на полную мощность. Мы, бывая на экскурсиях по заводу, знали их. Сразу за проходной справа — главный цех машзавода, который именовался механосборочным

цехом (МСЦ), а слева – не менее главный цех металлоконструкций (ЦМК). За ними – вспомогательные цехи: кузнечный и литейный. В глубине территории завода строились новые: парокотельный и кислородно-компрессорный.

Административное здание машзавода с проходной.
Из фонда УХКМ

Позже ЦМК будет преобразован в ещё один МСЦ, и на заводе станет два основных цеха по выпуску продукции (МСЦ-1 и МСЦ-

2). Для ведущего цеха №1 по изготовлению горношахтного оборудования в конце шестидесятых будет построен специальный новый корпус. Масштабы работы этого цеха в 70-е – 80-е годы сегодня поражают воображение: 10-12 комплексов в месяц! А начиналось всё в 1960 году с простого очистного механизированного комплекса “Тула” (ОМКТ), в создании которого в то время принимал участие и автор в качестве токаря МСЦ-1.

Завод расширял свои производственные мощности, строил новые цехи, новые дома и социальные объекты. Не забыта даже такая мелочь, как фотография. Вскоре она тоже появилась. Её открыли в подвальном помещении углового дома, где находился ресторан “Янтарь” (ул. 14 Декабря, 10/2). Вход в неё был со двора.

Для выезда на природу и для поездок в Москву завод по-прежнему выделял транспорт. Москва привлекала жителей соседних областей не только своими магазинами, но и новыми культурными объектами, открывшимися в эти годы.

Во-первых, тогда нас, подростков, очень привлекало метро. Мы выходили на каждой станции, чтобы посмотреть её оформление. Нас поражало, что самые лучшие, самые красиво оформленные станции метро были возведены во время войны. Страна и народ все свои силы и ресурсы отдавали борьбе с врагом, а тут под землёй – такие дворцы!

Другие новые дворцы начали строить сразу же после войны, и они оказались приметой Москвы на долгие годы. Это те высотные здания, которые были построены в конце 40-х, начале 50-х годов и среди них – здание МГУ. Их тоже надо было посмотреть.

Кроме того, надо было посетить сельскохозяйственную выставку (ВСХВ), открывшуюся в 1953 году, которая потом стала называться “Выставка достижений народного хозяйства” (ВДНХ), и Государственный универсальный магазин (ГУМ), расположенный на Красной площади, открывшийся в том же году. Потом в ГУМ стали наведываться ежегодно. Там было столько товаров, что, казалось, хватило бы на всю страну. Не зря же он назывался государственным универмагом.

После смерти И.В. Сталина не очень долгое время Кремль был открыт для посещений, и мы успели познакомиться с его достопримечательностями.

В те годы нам всё было интересно и до всего было дело.

А что творилось в стране? Кажется, вся она была одной гигантской стройкой. На Волге строились две крупнейшие гидроэлектростанции: Сталинградская и Куйбышевская. В 1952 году был открыт Волго-Донской судоходный канал длиной в 101 километр, мечта многих поколений прогрессивных людей. Таким образом, Москва, город вроде сухопутный, стал портом пяти морей.

Впечатляли и более крупные, более масштабные, даже этапные достижения, такие как постройка первой в мире атомной электростанции под Москвой (г.Обнинск) и принятие в эксплуатацию первого в мире реактивного пассажирского самолёта ТУ-104, скорость которого была 1000 км/час.

Потом будут другие, более громкие изобретения и стройки, а здесь надо учесть, что страна только-только поднималась после такой разрушительной войны. Да и в это время в мире было неспокойно.

Окончилась одна война, началась другая – незримая, так называемая “холодная”. Бывшие союзники во время войны с фашизмом стали врагами. Они испытали первую атомную бомбу на людях, для устрашения. Мир содрогнулся при появлении такого оружия. Но это было ещё не всё. Впереди было испытание более мощной, более разрушительной бомбы – водородной. Это произошло в 1953 году, и здесь мы были первыми.

С появлением у нас своей атомной бомбы, особенно после испытания водородной, американцы поубавили свой пыл. Но “холодная” война продолжалась долгих пятьдесят лет.

Вот в такие времена нам пришлось провести свою юность.

Чтобы обеспечить отечественную промышленность всем необходимым, надо было много и упорно трудиться. Тогда не считались ни с чем. Наши родители работали шесть дней в неделю с одним выходным. Официально рабочий день продолжался восемь часов, но часто были сверхурочные, авральные и т.п.

Только в 1956 году рабочую неделю сократят на два часа, и тогда работа в субботу или в предпраздничный день будет длиться всего шесть часов. А в 1961 году - новое крупнейшее сокращение рабочей недели: рабочий день сократился на целый час и стал продолжительностью всего 7 часов. При этом суббота осталась коротким 6-часовым рабочим днём.

Ещё позже, в 1968 году, страна перешла на 5-дневную рабочую неделю(!), но рабочее время всё равно осталось равным 41 часу. Пять дней в неделю опять стали работать по 8 часов, но из-за одного лишнего часа (свыше 40 рабочих часов) появилась одна рабочая суббота раз в три месяца. Это была та

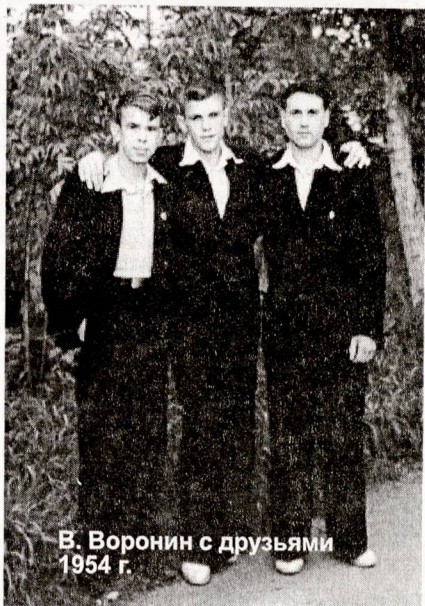
ложка дёгтя в большой бочке мёда, которую нам преподнёс Верховный Совет СССР в том далёком году.

Сокращение рабочей недели отозвалось всякими субботниками (по поводу и без повода), а также работой в праздничные дни, если их получалось больше двух. Всё это обставлялось не иначе, как "по просьбе трудящихся".

Все поездки, экскурсии происходили в летнее время. Приходила очередная зима, и мы сосредотачивались только на школьной жизни.

1955 год

Отшуршал листками календаря 1954 год. На стену был укреплен новый календарь с двумя пятёрками в новой дате. Этот

**В. Воронин с друзьями
1954 г.**

год для нас, девятиклассников, оказался очень насыщенным.

Всё началось в марте, когда день по продолжительности сравнялся с ночью. В школе появились шефы. Это были молодые ребята с машиностроительного завода. Дело в том, что по плану шефской работы завод выделил нам две списанные автомашины: легковую машину "Москвич" и грузовую - "полупторку". Умельцы на заводе привели их в порядок и своим ходом пригнали на школьный двор. Ситуация напоминала ту, о которой потом рассказывалось в фильме "Друг мой Колька", только без криминала. Так же, как в том фильме, в кружок "Автодело", который стали вести молодые инженеры, пришедшие в школу, записалось много желающих, в том числе и девочек. Не все представляли, что это такое. А надо было после уроков по плакатам изучать мотор, трансмиссию, тормоза и прочие премудрости. Занятия сначала проводились в вестибюле первого этажа, так как всех пришедших не могло вместить ни одно классное помещение. Но так было недолго, недели через две многие перестали посещать эти занятия, остались самые упорные. И тут оказалось, что самым упорным и, что главное, самым способным оказался Геннадий Обедняк. Он как-то быстро постиг все эти премудрости, которые находились под капотом, и, когда начались практические занятия, одним из первых стал водить машину.

Как только стаял снег в лощине, где раньше играли в лапту, мы приступили к практическим занятиям по вождению. К тому времени в кружке осталось 8-10 человек, и среди них самый знающий и самый умелый наш Геннадий Обедняк. К лету он так научился водить машину, что в "Москвиче" возил директора школы, а в полупторке - нас, своих одноклассников. Кроме него, за руль больше никто не сел. Все признали его самым достойным и ему доверяли мы свои жизни. Государственная автоинспекция (ГАИ) в Узловой была до того малочисленной, что все поездки несовершеннолетнего шофёра, да ещё без прав и на машине с кузовом, полным подростков, обходились без каких-либо эксцессов и, слава Богу, без аварий. Полупторка, правда, иногда долго не заводилась, и тогда все

В. Воронин (1955 г.)

по очереди крутили заводной ручкой... Но это уже мелочи. Всё лето того года мы ездили купаться в Кузьмищево на "цирканал".

Тогда же с помощью шефов - рабочих и инженеров с машзавода - наша школа была радиофицирована. Радиоузел расположили в директорском кабинете, и теперь все сообщения, школьные новости и другая устная информация звучали на большой перемене по громкоговорителю на обоих этажах одновременно.

А наша инициативная группа во главе с Виктором Цыганковым из параллельного класса пошла дальше. Ребята подключили радиолу к радиосети, чтобы транслировать музыку.

На школьных вечерах у нас играли "штатные" музыканты: Борис Головин - на аккордеоне, а вездесущий Геннадий Обедняк - на баяне. Иногда их подменял малоопытный, но подающий надежды и очень старающийся, чтобы его признали, - семиклассник Николай Черкасов. Теперь, давая им передохнуть, в директорском кабинете "крутили" пластинки и транслировали их на весь зал.

Будучи старшекласниками, мы часто устраивали танцы в школе. Это были праздничные вечера по поводу Нового года, женского Дня 8-е Марта, 1-е Мая и т.д. В промежутке между праздничными датами мы устраивали вечера с лекцией (минут на 10), а потом танцы "до упаду". Чтобы легализовать танцы, мы искали повод для их проведения. Например, тогдашний календарный праздник День Парижской коммуны, который традиционно отмечался 18-го марта, чем не повод, чтобы открыть его лекцией, а закрыть танцами?!

Что танцевали тогда? Конечно только любимые всеми вальсы, танго и фокстроты. Их танцевали всегда и везде: в клубе, на пятачке, в школе. Они пришли к нам из довоенных лет. Именно их танцевали любимые актёры в довоенном и военном кино. В ритме вальса, танго и даже фокстрота писали песни наши композиторы. И они были особенно популярны. Вспомним И. Дунаевского и его "Школьный вальс" или "Вечер вальса". В ритме танго пел знаменитый Г. Виноградов песню "Счастье моё". Мно-

Г. Обедняк (1956 г.)

го песен в ритме танго написал Оскар Строк. А фокстрот? Под такую зажигательную музыку невозможно было устоять на месте.

Рио-рита, рио-рита...
И хоть пластинка вся забита,
Напоминает мне она
В нашей школе вечера.

Фокстрот "Рио-рита" всегда и везде пользовался бешеной популярностью. Пары выскакивали, нет, выпрыгивали в центр зала, едва услышав первые такты этой искромётной музыки. За давностью лет уже забылось, чья это музыка, когда и в какой стране она появилась? Но мелодия этого фокстрота звучит до сих пор.

С этой мелодией могла сравниться лишь одна наша отечественная песня под названием "Андрюша", та, которую исполнила великая певица Клавдия Шульженко. Фокстрот "Андрюша" был не менее задорен, зажигателен, мелодичен и не менее популярен, чем "Рио-рита".

Кроме названных танцев, иногда танцевали полечку и краковяк. Последний тоже вызывал большое оживление среди танцующих.

Что касается других танцев, которые пытались привить в советских школах и к исполнению которых агитировали нас, сознательных комсомольцев, то они не прижились. Все были единодушны: эти танцы – не для нас. Они были не в характере молодых. Молодым необходимо активное движение, а тут надо степенно выступать группами, считая шаги под какую-то неподходящую для танцев музыку. Так что от этих танцев остались в памяти одни названия (па-де-спань, па-де-катр, па-де-грас) и шуточная песенка - руководство к исполнению одного из этих танцев.

Падеспанец – хорошенький танец,
Его очень легко танцевать:
По два шага вперёд, по два шага назад,
А потом повернуться вот так.

Уже миновал тот период, когда понравившуюся девочку мальчик дергал за косы, а при малейшем намёке на симпатию мальчика к девочке друзья, ещё не доросшие до этого чувства, азартно кричали: "Тили-тили тесто"... Мы были ужасно застенчивые, робкие, стеснялись девочек. На танцах мы боялись их приглашать, поэтому не удивительно, что девчонки танцевали друг с другом. Мы или отсиживались в сторонке, или тоже танцевали друг с другом. Редко кто из ребят отваживался на виду всего

зала пригласить на танец девочку. Разговоров потом в учительской хватало на целую неделю.

Мы соприкасались с девочками только локтями, и то только тогда, когда приходилось сидеть за одной партой, или пальцами рук, когда играли в «рыбки» (Была такая тихая умиротворенная игра, в которую иногда играли на перемене).

Школьники даже старших классов были до того закомплексованы, что ни о каких романах тогда и речи не было.

Но через несколько лет после окончания школы оказалось, что среди наших одноклассников образовались две семейные пары. Как они скрывали свои отношения, что мы тогда по поводу их ни о чём не догадывались, осталось для нас загадкой.

Одной из этих пар стали Юрий Токарев и Лариса Россихина.

Что касается нас, то мы по-прежнему комплексовали и на виду у всех не могли подойти к девчонкам во время танцев. Но был один вид танцев - танец вроде шуточный, а многообещающий. Он пользовался большой популярностью, особенно вне формальной обстановки. Суть этого танца состояла в том, что если около танцующей пары хлопнуть три раза в ладоши, то партнёры обязаны поменяться. Вот тут уж ребята хлопали в ладоши, чтобы «разбить» традиционную девичью пару. Все смеются, радуются, но всё вполне достойно и прилично. Не успевала новая пара сделать круг, как рядом снова хлопок в ладоши. И снова надо было меняться партнёрами. Тут с шутками и смехом на хлопки отваживались даже и девочки. И пока продолжался танец, пока звучала музыка, все время слышались шутки, смех и хлопки. И уже можно было делать кое-какие выводы, особенно тем, кому чаще всего хлопали.

1955 год был юбилейным для страны. Десять лет назад окончилась страшная война. За эти десять лет страна уже не только поднялась из руин, но и заявила о себе, как о великой державе. Бывшие фронтовики, уцелевшие в страшной бойне, которым к этому времени было едва за тридцать, с энтузиазмом, даже с остервенением, не считаясь ни с какими трудностями, строили своё будущее. А будущее должно было быть прекрасным, в это верили даже мы.

Трудностей, конечно, хватало, даже с лихвой. Наши родители работали на это будущее, думая о нас, своих детях. Сами не доедали, не досыпали, мечтали, что нам-то не придётся бедствовать. Они не роптали даже тогда, когда ежегодно их заставляли подписываться на «Государственный заем восстановления»

ния и развития народного хозяйства". Сумма подписки всегда равнялась среднемесячной зарплате работника. А что это значит? Выходило, что человек работал 12 месяцев в году, а зарплату получал за 11 месяцев. Правда, через пять-десять лет должно было быть погашение, но до него ведь надо было дожить. А обещанные крупные выигрыши были до того редки, что про это событие писали во всех газетах и показывали в киножурнале "Новости дня".

В связи с десятилетием со дня окончания Великой Отечественной войны 1 Мая на Красной площади состоялся традиционный военный парад. Принимал парад маршал Г.К. Жуков, назначенный новым министром обороны в феврале того года.

Во всех материалах о Великой Отечественной войне (устных и письменных) часто упоминались города Ленинград, Сталинград, Севастополь и Одесса не иначе как города-герои. Это было задолго до Указа Президиума Верховного Совета СССР, когда этим и некоторым другим городам этот статус был присвоен официально.

Все знают, какую роль играли эти города в той войне. Они стали вечными символами мужества, силы и стойкости Красной армии и населения этих городов. Их названия были внесены во все справочники, монографии и энциклопедии мира. А теперь их нет. Географически они, конечно, существуют, но два из них оказались за границей, а два других переименованы, и теперь в России ничто не напоминает ни о 900-дневной беспримерной блокаде Ленинграда, ни о величайшей Сталинградской

В. Воронин (1955 г.)

битве, ни о героическом подвиге моряков истинно русских городов Севастополя и Одессы. И дело здесь не только в расходовании значительных средств, затраченных на переименования. Это уже само по себе — "война с теньями". Людей, чье имя носили два города, уже давно нет, а с ними всё продолжают бороться. Здесь ещё идёт сознательное искоренение всякой памяти о героизме и мужестве советских людей, людей всех национальностей бывшего Советского Союза во время той страшной войны. Идёт искажение и

подтасовка фактов, низвержения героев войны с пьедесталов, новое переписывание истории и, что самое главное, оглупление народа. Для этого всю стараются современные фильмы об армии и солдатах, всевозможные телевизионные юмористические передачи ("Городок", "Маски-шоу", "Кривое зеркало" и др.), а также многочисленные ток-шоу и даже фильмы.

Такое нам во сне не снилось,
Чтоб всё на свете изменилось.

На многих вылиты помои,
Злодеи выбились в герои...

Это наш народ, наши родители вынесли все тяготы той войны. Ни один народ, ни одна страна не перенесли столько горя и утрат, как наша страна и наш народ. Горько и обидно читать неуважительные материалы о Великой Отечественной войне.

В Узловой тоже отметили Праздник Победы, в том году он пришёлся на понедельник. Праздник Победы 9 Мая станет выходным, именно праздничным днём, спустя ещё десять лет – во время празднования 20-летней годовщины со дня окончания Великой Отечественной войны. Много усилий приложил к этому своей подвижнической деятельностью С. С. Смирнов, который в те годы долго вёл на радио передачу о неизвестных героях Брестской крепости. Это благодаря ему ветераны войны получили в этот день заслуженный ими отдых, чтобы могли встречаться друг с другом. К этому времени демобилизованные фронтовики в знак негласного протеста отмены льгот перестали носить свои ордена и медали, заслуженные кровью. И только потом в одной из песен прозвучит призыв: "Фронтовики, наденьте ордена!".

А в 1955 году Праздник Победы был рабочим днём, и его пришлось отмечать ударным трудом, а нам, школьникам, отличной учёбой.

А вот 1 Мая по календарю - праздничный день, в тот год пришёлся на воскресенье. К этому дню потеплело так, что на демонстрацию все вышли одетыми налегке. В те годы демонстрации проходили не так, как позже. Шествие праздничных колонн тоже было, оно начиналось от Свиридовского пруда, где колонны формировались и по улице Трегубова выходили на Советскую площадь. Здесь все колонны останавливались перед стационарной трибуной у тогдашнего административного здания партийной и советской власти города Узловая. Теперь это здание занимает военкомат.

Первомайская демонстрация на Советской площади (фото 1960 г. из фонда УХКМ)

Сейчас здесь ничто не напоминает о том времени. Нет памятника Ленину, который стоял перед трибуной. Нет того заборчика, который ограждал маленький чахлый скверик у фасада здания. Нет, конечно, той длинной трубы, закреплённой на нескольких столбиках, где привязывали лошадей. Ведь в то время все председатели многочисленных колхозов, которых вызывали «на ковёр», приезжали на бричках или санях (если дело было зимой).

Все демонстранты, а их было не очень много, если учесть, что в городе тогда было мало предприятий и всего несколько школ, останавливались перед трибуной и слушали обязательный торжественный доклад об успехах узловчан. Доклад читал кто-нибудь из первых лиц города. Всем было понятно, что доклад никто никогда не слушал. По-моему, это было понятно даже тем, кто его читал, и тем, кто стоял на трибуне рядом с докладчиком. Но таков был ритуал.

Все участники демонстрации умещались на этой небольшой площади, свободно было уже за пределами здания 17-го магазина. Улицу Первомайскую не перекрывали, машин в то время не было (по крайней мере, в этот день), а люди не мешали передвижению колонн. Мешала только большая лужа в районе 4-го магазина, которая, кажется, не высыхала даже летом.

После окончания доклада и скандирования «дежурных» лозунгов демонстрация продолжалась. С плакатами, флагами и транспарантами колонны следовали дальше по улице Кагановича (теперь ул. Советская) мимо клуба железнодорожников (те-

перь это церковь) и выходили к переезду, где их ждали машины, чтобы собрать и увезти всё, что несли демонстранты. Сами участники расходились к ждавшим их праздничным столам по улицам Пролетарская, 1-я Дачная и Луговая.

Проведя всё лето на Любовском водоёме, загорелые и отдохнувшие, мы с нетерпением ждали начала нового учебного года, ведь мы шли в 10-й класс.

Ещё в пятницу 31 августа все мы собрались на школьном дворе. Шефы за лето отремонтировали школу. Пол, окна и парты сияли свежеевыкрашенной поверхностью, и на партах трудно было обнаружить те надписи, которые мы когда-то нацарапали.

Учителя, отдохнувшие от нас, были в благодушном настроении. Мы тоже были рады видеть их. Или нам повезло с учителями, или учителям – с нами, но любовь и уважение друг к другу у нас были взаимными.

В этот день занятий, конечно, не было, они начнутся только на следующий день. Просто нам всегда не терпелось встретиться друг с другом, мы не могли дождаться 1-го сентября и прибегали в школу накануне. Так постепенно день 31 августа стал традиционным днём сбора всех школьников перед новым учебным годом.

В 10-м классе нашим классным руководителем или “классной дамой” (как мы её называли) стала учительница немецкого языка Екатерина Григорьевна Буракова. На целый год она стала для нас и судьёй, и нянькой. Она опекала нас, была в меру строга, но справедлива. Ничто не ускользало от её зорких глаз. Мы её очень уважали, и, расставаясь с нами на выпускном вечера, она даже прослезилась.

На той, ставшей традиционной, встрече мы не увидели некоторых учителей. Оказалось, что их перевели в только что открывшуюся школу №17 на ул. Кирова. Туда же перевели часть учеников, кто жил поближе к новой школе. Это было очень кстати. Ведь последние два года наша школа задыхалась от “перенаселения”. Не хватало классных комнат, в классах было по 35-40 учеников. Чтобы разгрузить классы, одно время школа работала в три смены. Для этого были сокращены уроки на 10 минут, уменьшена продолжительность большой перемены и введены “нулевые” уроки. Эти уроки начинались раньше официального начала занятий. Особенно неудобно было ходить на них зимой, ведь вставать надо было очень рано.

С открытием новой школы всё стало по-старому: занятия – в две смены и опять полноценные уроки. Но была небольшая

грусть, когда обнаружилось, что от нас ушёл любимый учитель математики Афанасий Васильевич Копеин. Он был переведён в новую школу завучем.

Мы с головой окунулись в учёбу, ведь класс-то – выпускной! Уроков было много, репетиции в драмкружке тоже возобновились и продолжились тренировки по стрельбе.

Появилось много новых интересов, новых тем, новых книг. Одному из нас был подарен двухтомник неизвестного доселе Сергея Есенина, изданный в том году. Его не издавали почти 30 лет. Оправдывая смысл поговорки "Запретный плод – сладок", мы с упоением читали и заучивали его стихи, хотя до этого относились к стихам прохладно. Так что темы для разговоров, обсуждений и даже споров у нас было предостаточно.

Другой известный человек, вернее, его нелепая смерть тоже не оставила нас равнодушными. Летом, пока мы не жились на берегу Любовского водоёма, ушёл из жизни замечательный композитор И.О. Дунаевский. Это случилось 25 июля, ему было всего 55 лет. Причины его добровольного ухода из жизни тогда объяснились творческим кризисом, а в народе ходили другие слухи. Мы же любили его жизнерадостную музыку, песни, оперетты и фильмы, в которых он принимал участие как композитор: а это любимые всеми кинокомедии "Весёлые ребята", "Цирк", "Волга-Волга" и другие. Сейчас его вспоминают не часто, а если вспоминают, то только затем, чтобы ещё раз "лягнуть": он же своей музыкой воспевал советскую власть... Интересно, а какую же власть он должен был воспевать?

Это, скорее всего, было связано с его тогда всем известной песней "Широка страна моя родная". Там действительно есть слова, как оказалось потом и правда, не соответствующие действительности того времени: "Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек". Но это стихи, а при чём здесь музыка? А если эту песню исполнять без слов, просто как музыкальное произведение? Это же шедевр! И такие шедевры теперь ставят ему в вину. А тогда первые такты этой мелодии долго были позывными на одном из радиоканалов.

Неизвестно почему, в 10-м классе у нас вдруг возник интерес к шахматам. Играть начали сразу и все. Играли после уроков, на переменах, а наиболее увлечённые – даже на уроках (на последней парте). Для этого шахматные фигурки делали из картонных квадратиков с соответствующими надписями (К – конь, Ф – ферзь и т.д.). Доска тоже была вычерчена на картоне. Друг у

друга стали переписывать кем-то принесённые стандартные начала, защиту и окончание партий, всякие дебюты и гамбиты.

Но интерес к шахматам угас так же быстро, как и появился. Видимо, мы были не в том возрасте, когда шахматы становятся игрой на всю жизнь. Эта серьёзная игра, требующая феноменальной памяти, терпения и усидчивости, оказалась не для нас. И нам оставалось только следить за игрой великих шахматистов в поединке М. Ботвинник – В. Смыслов, проходившем тогда.

Занятые напряженной учёбой, репетициями, тренировками мы и не заметили, как подошёл новый 1956 год.

1956 год

За неделю до Нового года кто-то из одноклассников предложил встретиться вместе. Большинство согласилось с этим, а место для встречи Нового года предоставила наша одноклассница Людмила Ковшина. Она жила на одной из Куйбышевских улиц в просторном доме, и её родители согласились приютить нас в Новогоднюю ночь. Такие вечеринки всегда устраивались в складчину. Каждый участник встречи внёс в общую копилку необходимую сумму, а инициативная группа закупила всё необходимое для праздничного стола.

Конечно, деньги нам пришлось просить у родителей. Сумма была не разорительная, но всё равно не все смогли позволить себе обращаться с такой просьбой к родителям. Поэтому из двух десятых классов за столом было человек двадцать.

Празднично одетые и весёлые все собрались к 23 часам. Родители хозяйки дома по бою Курантов встретив с нами Новый год, тактично удалились. А у нас началось веселье. За баян взялся наш Геннадий, потом завели чудом сохранившийся у хозяйки дома старинный граммофон. Пели, танцевали, выскакивали на улицу играть в снежки. И, не выдержав длительного бодрствования в ночное время, свалились спать кто где, предоставив девчонкам отдельную спальню.

А утром всех разбудил своими шутками и прибаутками наш одноклассник из параллельного класса Василий Бормотов. Наскоро умывшись, ещё немного посидев за праздничным столом, ещё раз поздравив друг друга с Новым годом, мы устремились домой досыпать.

Эта совместная встреча Нового года, последнего года нашего пребывания в школе, ещё больше сблизила нас.

Здесь самое время кратко сказать о нашем внешнем виде:

во что мы одевались, как подстригались.

Послевоенное время было скучным на разносолы и на моду. Собственно, никакой моды тогда не было. Носили то, что имели. А имели мы немного. Что-то покупали на базаре, что-то брали у родителей. Например, дети железнодорожников в зимнее время ходили в чёрной отцовской железнодорожной шинели. С брюками было интереснее; все старались подражать демобилизованным морякам, а они носили клёши. Нашим брюкам до клёшей было далеко, но брюки, пошитые родителями или другими родственниками, кто умел шить, приближались к морской ширине брюк.

Вообще-то морская одежда была в чести у ребят-подростков. Счастливики, имеющие родственников-моряков, носили тельняшки и, предел всех мечтаний, ремень с настоящей морской пряжкой, с якорем.

Почти каждый второй из ребят носил, так называемую, вельветку – куртку с нагрудными карманами на молниях. Причём, были они разного цвета: чёрные, коричневые, тёмно-синие и даже зелёные.

Девочки носили школьную форму: коричневое платье и фартук (повседневный – чёрного цвета, праздничный – белого). Такую форму одежды отменяют только в начале девяностых. Платья и фартучки у всех девочек были одинаковыми, стандартными, но они разнообразили свою форму воротничками. И уж тут их фантазия была неистощима, они меняли их ежедневно, и все они были разные: простые, отложные, кружевные и т.п. Большинство девочек всем причёскам предпочитали косы, хотя именно за них всегда дёргали мальчишки. У некоторых девочек косы были замечательные, особенно если две косички заплетались в одну.

Но для праздничного неофициального вечера все девочки сменили свои форменные школьные платья на простые скромные наряды. В них они выглядели необычно и привлекательно.

Ребятам, уже юношам, в одежде менять ничего не пришлось: мы пришли на вечер в том же, в чём ходили в школу, только причесались потщательнее.

Причёски были почти у всех одинаковые, стриглись в парикмахерских под “полубокс” или “полечку”. А некоторые носили взрослые причёски - зачёсывали волосы назад.

Девочки в то время не пользовались никакой косметикой, да её и не было. В “моду” было чистое свежее лицо с естествен-

ным румянцем. Никакой пудры, никаких теней и кремов. Из парфюмерии у них был обыкновенный цветочный одеколон ("Ландыш", "Сирень", "Гвоздика"). Знаменитых духов "Красная Москва", кажется, ещё не было, они будут пределом мечтаний наших девочек чуть позже.

Нам тогда казалось, что мы уже взрослые. А чувство взросления не проходит бесследно. Многим оно надолго испортило жизнь. Не обошлось без этого и у нас. Процесс приобщения к взрослым с помощью курения у нас уже прошёл. Это было лет пять назад, когда мы начали, бравируя друг перед другом, подражая старшим, попыхивать папироской где-нибудь в укромном месте. Родителей, учителей и даже просто прохожих мы в то время боялись. К счастью, курение в нашей среде как-то не прижилось. Из 16 моих одноклассников постоянно курили только трое. С прискорбием приходится констатировать, что они и покинули нас первыми, не дожив даже до пенсии.

Этап приобщения к взрослой жизни употреблением крепких напитков мы тоже не миновали. Первый раз мы попробовали выпить ещё в 9-м классе (По сегодняшним меркам, наверно, уже поздно). Кто-то из ребят параллельного класса принёс на школьный вечер бутылку портвейна. В пустом классе нас было человек семь и один стакан. Пили все по очереди, никто не смог отказаться, даже если и хотел. А что подумают друзья?

Потом ближе к лету в нашей компании появился взрослый парень, сосед нашего друга. Он был не намного старше нас, всего лет на пять, но он уже работал на машзаводе. Ничего плохого и сегодня сказать о нём не могу. Он так же, как и мы, любил читать, любил ходить в кино, много знал. И ещё он писал стихи. Они нам очень нравились, тем более что писал он буквально про нас и про наши приключения. И это он увлёк нас на встречу с московскими поэтами С. Васильевым, С. Смирновым и М. Львовым, которые выступали у нас в клубе. А потом мы опять же по его инициативе попытались сотрудничать с Узловской газетой "Сталинское знамя", написав заметку о встрече с этими поэтами. В следующем номере газеты наша заметка была напечатана. Нам льстило, что взрослый парень дружит с нами. А чем мы ему приглянулись - непонятно. Но никакого негатива с его стороны к нам не было. А вот дружеские застолья были! Он, рабочий человек, мог позволить себе иногда выпить и совершенно искренне приглашал нас составить ему компанию. Мы могли отказаться, но не делали этого. Опять срабатывало это желание

скорее быть “взрослыми”. Эти выпивки, конечно, были не часты, но всё-таки были. И если быть честным до конца, то следует признать, что “приобщаться к взрослой жизни” мы начинали круто. Но быстро справились с этой дурной привычкой.

В феврале того (1956) года мы выезжали с концертом школьной художественной самодеятельности в подшефный колхоз (кажется, в Федоровку). Инициатором всего этого была наша молодая учительница, которая приобщила нас к искусству, Н.С. Анисимова. Ехали мы в деревню на открытой машине с фанерной будкой у кабины.

Машина остановилась у правления колхоза, а до колхозного клуба пришлось идти пешком, утопая в сугробах. Шли с шутками, песнями, часто раздавались взрывы смеха. Даже издали можно было догадаться, что это смеются над шутками и каламбурами нашего одноклассника Валерия Семёнова

Мы ввалились в клуб весёлые, раскрасневшиеся и нас тут же угостили тёплым ещё парным молоком. Зрители уже ждали нас. Благодарные колхозники хорошо принимали наших доморощенных артистов, дипломатично аплодировали, подбадривая их, и все расстались потом, довольные друг другом.

Из всего концерта запомнились только два номера и то потому, что исполнителям оглушительно хлопали в ладоши и вызывали на “бис”. Одним из номеров был отрывок из поэмы А.Твардовского “Василий Тёркин”, который читала наша одноклассница Тамара Черненко под аккомпанемент баяна. Помните?

“А гармонь зовёт куда-то,
Далеко, легко ведёт”...

Аккомпанировал на баяне, конечно же, наш Геннадий Обедняк. Другой номер был танцевальный. Под зажигательную музыку нашего бесменного баяниста задорно исполнила “цыганочку с выходом” Людмила Редникина.

К 1956 году завод стал главным предприятием города. Его главная проходная переместилась на новое место. Раньше она была там, где сейчас находится заводская пожар-

В. Семёнов, 1956 г.

ная часть. Вырос и посёлок. Он оформился в границах улиц: Центральная (теперь улица 14 Декабря) и Суворова.

Для лучшей ориентации при чтении этих воспоминаний предлагаю читателям карту-схему посёлка машзавода, случайно оказавшуюся у меня.

Двумя главными улицами посёлка стали улицы Трудовые резервы и Тургенева. Были построены и введены в строй здание поликлиники, новый промтоварный магазин (теперь "Хозяюшка"). Заработала баня. Теперь заводской посёлок мог функционировать независимо от города. У нас были своя школа, своя поликлиника,

Из фонда УХКМ

ул. Трудовые резервы

чуть позже и больница, почта, баня, магазины, аптека, клуб, библиотека и многое другое. Было высажено много деревьев и кустарников, через кюветы для стока воды были перекинuty изящные мостики, стояли декоративные вазы с цветами. В сквере, кроме слоника, в центре фонтана,

на боковых аллеях стояли гипсовые фигуры спортсменов. Конечно, всё это было из недолговечного материала и не представляло никакой художественной ценности, но сейчас и этого нет. Замечено, что все дома, построенные тогда, отличались друг от друга. Ещё в 1953 году в посёлке были смонтированы и вывешены электрические часы.

Стало модным встречаться под часами. Они висели на столбе у нашей школы, на угловом доме, где теперь "Хозяюшка", и на углу улиц Центральная и Трудовые резервы (дом с "Аптекой"). На окраине посёлка уже высилась внушительная коробка здания будущего Дворца культуры. Стройка ещё не была закончена, а с тыльной стороны уже был заложен парк. И в посадке деревьев и кустарников мы, старшеклассники

Из фонда УХКМ

И в посадке деревьев и кустарников мы, старшеклассники

школы № 7, тоже принимали активное участие.

В феврале того года, когда мы заканчивали школу, случилось знаменательное событие: прошёл XX съезд КПСС, разговоры о котором не умолкают до сих пор. Что чувствовали мы, тогдашние школьники, пионеры и комсомольцы, как реагировали — этого в двух словах не скажешь. Если коротко, то это был “шок” для нас, да и не только для нас.

Совсем недавно вся страна рыдала, когда умер Сталин. А теперь тот знаменитый съезд камня на камне не оставил от деятельности “вождя народов”. Ведь тогда с его именем было связано всё: победы на фронтах Великой Отечественной войны и достижения в хозяйстве, грандиозные планы на будущее и вопросы языкознания, успехи советских спортсменов на мировой арене и

метод социалистического реализма в литературе. Портреты Сталина красовались повсюду: в газетах, в помещениях, на улице. Букварь первоклассника открывался его портретом и лозунгом “Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство”.

В результате работы съезда у нас в выпускном классе отменили экзамен по истории СССР. Оказалось, что вся наша история “написана” в угоду одному человеку — “вождю и учителю всех народов”. Мы, конечно, обрадовались:

одним экзаменом стало меньше.

Надо сказать, что моему поколению везло на экзамены. Мы начали сдавать их уже в четвёртом классе и далее они были ежегодными, а количество их год от года увеличивалось. Потом экзамены в 4-х – 6-х классах отменили, но мы уже учились в 7-м. Через три года отменили экзамены в 8-м и 9-м классах, но мы уже были в 10-м. Теперь нам повезло с отменой одного экзамена, но всё равно в 10-м классе их было много (кажется, шесть или семь предметов). Так что отмена экзамена по истории СССР была единственной поблажкой для нас, многострадальных выпускников 1956 года.

Наступила весна. В том году она запоздала почти на две недели. Но всё равно природа взяла своё. Вот уже на пустырях и в кюветах вдоль дорог распустились жёлтые цветки мать-и-мачехи. Стволы берёз со сломанными ветвями были покрыты липким соком, по пахучей бересте вверх и вниз сновали муравьи. Через некоторое время зацвела черемуха, распространяя дурманящий запах... Но нам было не до весенних красот. Впереди – выпускные экзамены, и до них оставалось чуть меньше двух месяцев.

Съездив с концертом в колхоз, мы вошли во вкус. Нам захотелось повторить успех и поэтому решили перед выпуском из школы дать заключительный концерт художественной самодеятельности силами двух классов, так сказать, оставить в школе память о себе.

Инициатором и душой всего этого был, конечно, Г. Обедняк. Он не был ни комсоргом, ни старостой, но мы его слушались и охотно подчинялись. Старостами, комсоргами, председателями у нас были другие, почти всегда девочки, а он был лидером.

Геннадий был удивительный человек. Разносторонний спортсмен, замечательный музыкант, он играл на баяне, пел, участвовал во всех школьных концертах и как исполнитель, и как аккомпаниатор, и как руководитель художественной самодеятельности. Это под его влиянием и под его руководством в том заключительном концерте участвовали почти все. До этого мы были только пассивными зрителями, считали, что талантом отмечены другие, но не мы.

Были у нас, конечно, “штатные” артисты, которые выступали везде и всегда. Замечательно пела наша одноклассница Лира Томбасова. Ни один концерт не проходил без её участия, и всегда она имела успех. У неё даже имя было музыкальное.

В пляске не было равных нашей Людмиле Редникиной. Эта удивительная девушка не могла просто стоять на месте, когда слышала какую-нибудь танцевальную музыку. Ей были подвластны и "барыня", и "цыганочка", и "вальс-чечётка". Она сама любила плясать и танцевать и других увлекала своей заразительной пляской. Она, кажется, была единственной, у кого всегда на школьных танцах партнёром был мальчик, юноша. Простая, улыбочивая, она никому не давала во время танцев сидеть на месте и часто была инициатором "белого танца". Легко было быть рядом с ней. Но моим "поздно повзрослевшим" одноклассникам она не оставила никакого шанса, выскочив замуж почти сразу после окончания школы.

И рядом с этими талантливыми девушками другие стеснялись выходить на сцену. Но пришлось. Почти все поддались

Л. Редникина (1957 г.)

угovorам нашего Обедняка. В короткое время было подготовлено много вокальных и танцевальных номеров, был даже небольшой хор, который исполнил песню "Не забывай" из недавно вышедшего фильма "Испытание верности". Одноклассники, умеющие играть на струнных инструментах,

объединились в небольшой оркестр и удивили всех своей слаженной игрой, исполнив несколько русских народных мелодий.

Запомнился ещё один непривычный для школьной художественной самодеятельности номер – вокальный дуэт с песней "У вас на платье белые горошины" из оперетты И. Дунаевского "Белая акация" в исполнении самого Г. Обедняка и Л. Россихиной. Номер прошёл на "бис". И тут мы пожалели, что Л. Россихина "молчала" все эти годы. Нет, мы, конечно, помнили, что ещё в 3-м или в 4-м классе она пела для нас детскую патриотическую песенку "Ястребок", но потом по своей природной стеснитель-

ности больше не выходила на школьную сцену. И спасибо Обедняку, что он не дал ей "отсидеться" в этот раз. А её вокальные данные нас приятно удивили.

Были и другие номера: песни Леры Томбасовой, лирическая декламация Т. Черненко, виртуозное соло на мандолине Е. Алымова и другие. Учителям, а концерт в основном был рассчитан на них, и школьникам других классов концерт очень понравился.

Во вторник 22 мая для нас прозвенел последний звонок. Забавные первоклашки преподнесли нам букетики сирени, а мы подарили им детские книжки.

Радость по этому поводу, в сущности по поводу прощания со школой, омрачило одно событие, произошедшее накануне.

В середине мая, за неделю до окончания школы нас, советских школьников, воспитанных на романе А.Фадеева "Молодая гвардия", потрясла ранняя смерть её автора и опять добровольная. И ему в то время, как и И.Дунаевскому, было тоже 55 лет.

И снова ходили разные слухи, но официальные власти опять что-то твердили о творческом кризисе, о его никак недописанном романе "Последний из удэге" и т.п. Мы недоумевали: как же так? Вот М. Шолохов тоже никак не допишет роман "Они сражались за Родину" и что? Из-за этого надо стреляться? Как оказалось потом, причины были гораздо серьезнее. И даже не страсть к алкоголю была причиной этому...

Но на первом экзамене, а это было сочинение, одной из трёх была тема по роману "Молодая гвардия". И на устном экзамене по литературе было много вопросов по творчеству А. Фадеева.

Последним был экзамен по немецкому языку. Екатерина Григорьевна Буракова, наша "немка", кажется, переживала за нас больше, чем мы сами. Мы были абсолютно спокойны и уверены, что экзамен сдадим и сдадим хорошо. Так и получилось.

И вот сдан последний экзамен, и на четверг 21 июня был назначен выпускной вечер, сегодня его называют балом. Теперь для этого бала девушки покупают себе бальное платье, как потом на свадьбу, а ребята - строгий костюм. Всё это влетает в "копеечку", а тогда это было скромно, очень скромно. Потратиться пришлось только на угощение для праздничного стола и обаятельное мороженое на десерт.

Вечер начался в 21.00 официальной частью: вручением аттестатов. В нашем 10 "А" было 28 выпускников, не меньше было в 10 "Б". Каждого выпускника для вручения аттестата вызывали

к столу президиума, где восседали наши учителя во главе с директором школы и представителями гороно (городского отдела народного образования).

Первой вручили аттестат Афанасьевой. Она была первой по списку (и по алфавиту, и по результатам обучения). Она единственная среди нас и первая в истории школы №7 была награждена золотой медалью. Правда, из-за бюрократических проволочек она получила её лишь через год.

При дальнейшем развитии событий случилась небольшая заминка. Для получения аттестата вызвали Редникину, но почему-то назвали её Анной. Мы переглянулись, зашумели, а она нам объяснила, что так её зовут по паспорту, а она хотела, чтобы её звали Людмилой. Прошло 50 лет с того дня, а мы так и зовём её между собой.

Больше никаких казусов не было, все получили свой документ об образовании. Были произнесены речи, и главную произнёс наш многоуважаемый Николай Иванович Воскресенский. Потом выступали другие учителя. Забыв обиды и огорчения, которые мы причиняли им, все учителя в один голос уверяли нас, что мы самые умные, самые талантливые, самые способные выпускники за всю историю их педагогической деятельности.

Особенную хвалебную речь "своим" ученикам произнесла классная руководительница 10 "Б" класса Полина Фёдоровна Николаева. Это она, преподавая математику в старших классах вместо А.В. Копейна, пыталась давать нам уроки высшей математики. А "свой" класс она часто оставляла на математический семинар, где давала ребятам решать задачи повышенной сложности, математические головоломки и предлагала искать ошибки в заведомо неправильно решённых задачах. Одной из таких задач было доказательство, что вес мухи равняется весу слона. Именно тут в многоходовых логических и математических допущениях надо было найти ошибку. И её ученики справлялись с этим легко.

Закончилась официальная часть многочисленными выступлениями выпускников. Все они сводились к благодарности учителям и директору школы. Им был как известно Николай Фёдорович Юрчиков. Как директор он был очень строг, мастер распекать за шалости и озорство. Но был мягок, деликатен, интеллигентен как человек. А преподавал он химию. Николай Фёдорович удивлял нас на уроках своими опытами, которые для нас,

впервые увидевших, как меняется цвет жидкости при смешивании одна с другой, смотрелись на грани фокусов. А он для нас — маг и волшебник.

После произнесения всех речей начались главные торжества: игры, концертные номера, задушевные разговоры и, конечно, танцы. Для этого специально был приглашён духовой оркестр из машиностроительского клуба. С небольшими перерывами оркестр играл всю ночь.

В задушевных беседах, возникавших то тут, то там, часто упоминались фамилии Е. Грудзинского, Г. Волковой, А. Домахиной, Ж. Жаровой, А. Колчевой, А. Каменева, О. Ланцмана, М. Полдневой, Е. Посутман, В. Поповой, Л. Томбасовой, И. Трушлякова, В. Титова, Н. Шилиной и другие. Это те ребята и девчата, которые когда-то тоже учились с нами, но потом по разным причинам ушли или уехали от нас. Но мы всех их часто вспоминаем. Это были отличные ребята.

В самый разгар веселья нас застал рассвет. Ведь эта ночь по календарю была самой короткой! Мы, не сговариваясь, высыпали на улицу. Красота-то какая! И тишина... И в этой тишине все отчётливо услышали трели соловья, доносившиеся, очевидно, из кустов, обрамляющих лощину, где мы, прогуливая уроки, играли в лапту или футбол. Девчата сбились в стайки и запели какую-то песню, ребята подхватили... Опять веселье охватило всех. Ведь всё позади! Позади десять лет учёбы, экзамены, походы, вылазки на природу, поездки в колхоз и т.д. Впереди — широкая дорога в будущее! И в это "будущее" мы устремились по улице Тургенева, которая в то время была нашей любимой. Она была пешеходной, по ней не было никакого движения транспорта, и она по весне просыхала самой первой. Везде ещё была грязь и лужи, а здесь уже детвора чертила "классики", соревновалась в прыгалках, а по вечерам группировалась молодёжь. В основном это были школьники старших классов 7-й школы и ребята из расположенного рядом горнопромышленного училища. Мы уживались мирно и даже заглядывали к ним на танцы. Среди учеников этого училища было много наших знакомых, раньше учившихся вместе с нами.

Заняв всю ширину улицы, ранним утром 22 июня мы, молодые, озорные и весёлые, двинулись по притихшим улицам через весь посёлок в город. Город и посёлок спали, а мы пели, веселились, кричали просто так, от избытка чувств. Как мы тогда верили песенным словам, что "молодым везде у нас дорога"! О второй строчке этой песни мы тогда не думали. Старость для

нас тогда была так же далека, как звёзды на ночном небе.

Так с песнями, шутками, выкриками мы и не заметили, как оказались в парке. Наш учитель Ю.А. Борисов сделал несколько снимков, и теперь эти фотографии хранятся у моих одноклассников на почётном месте в семейных альбомах.

Мы прощались со школой, с посёлком, с городом. Прощались кто ненадолго, а кто и навсегда.

После выпускного вечера мы каждый день слушали радио, надеясь услышать свою фамилию. Дело в том, что в день последнего звонка мы написали письмо на радио в передачу "Концерт по заявкам". В этом письме каждый (!) просил исполнить в связи с окончанием школы любимую песню. Одно только перечисление заявленных мелодий заняло бы минут пятнадцать... И мы наивно полагали, что наша заявка будет исполнена. Но, увы, такими заявками радио, по-видимому, было очень перегружено. В памяти осталось только то, что автор хотел услышать "Блоху" в исполнении Фёдора Шаляпина.

Ровно пятьдесят лет назад в майские дни того далёкого 1956 года была сделана ещё одна фотография, где запечатлён весь наш класс за исключением троих ребят, почему-то отсутствующих в день съёмки. Во втором ряду восседают наши учителя, в центре – директор школы Н.Ф. Юрчиков и классная руководительница Е.Г. Буракова.

Уважаемые читатели! Посмотрите на эту фотографию! Вглядитесь в лица моих одноклассников! Почувствуйте их молодость и простоту! Не осуждайте их скромную одежду! У нас тогда были другие ценности. Для нас не простыми понятиями были слова: совесть, дружба, честь, любовь. Мы жили по совести, дорожили дружбой, берегли честь и не предавали любовь.

Среди этих вчерашних школьников есть инженеры, врачи, квалифицированные рабочие многих профессий, офицеры, научные работники. И с уверенностью могу сказать, что никто из них не запятнал свою жизнь ничем, чего можно было бы стыдиться. Наша жизнь сложилась нормально, хоть была трудной и суетной. Мы с удовольствием общаемся друг с другом на наших традиционных вечерах встречи. Последняя наша встреча состоялась 28 января 2006 года по случаю 50-летия со дня окончания школы. И как же надо любить свою школу и уважать своих друзей и одноклассников, если один из наших выпускников – капитан 2-го ранга Виктор Цыганков, служивший на Тихоокеанском флоте, оставлял свою подводную лодку на заместителя и прилетал на встречу с нами из Владивостока!

А тогда впереди у нас была целая жизнь, и никто из нас не знал, как она сложится.

Многие из нас в тот год покинули город, разъехались по всему Советскому Союзу. И, конечно, мы не знали, не предполагали, что через несколько лет некоторым из нас придётся встретиться друг с другом на главном предприятии Узловой – машиностроительном заводе.

Но это уже другая история.

(Послесловие)

На представленной фотографии, сделанной на последней нашей встрече 28 января 2006 года, запечатлены те мои одноклассники из двух выпускных классов, которые смогли присутствовать на этой встрече. Первый ряд (слева направо): Н.Л. Подшибякина (Моторина), Г.А. Фёдорова (Андрющенко), Л.Н. Кукушкина (Филиппова), В.С. Караев (директор школы № 7), В.Т. Березнева (учительница), Л.А. Токарева (Россихина), В.И. Попова (Данилина), М.И. Халтобина (Попова).

Второй ряд: Ю.М. Токарев, Ю. Токарева (внучка Токаревых), В.Я. Семёнов, В.С. Козлов, В.М. Томилин, М.П. Богатоба, В.Н. Воронин, Н.П. Скрипкин, А.Т. Аксёнов.

Оглядываясь назад, поражаешься: сколько же предприятий, магазинов, социальных и культурных объектов было построено, открыто, принято в эксплуатацию за прошедшие нелёгкие годы. А что осталось? Почти ничего. Вот беглый перечень того, чего мы лишились за последние годы. Этот перечень я назвал бы "Узловая, которую мы потеряли":

- нет ни одного из трёх ресторанов (при вокзале, "Янтарь", "Русь");

- нет столовой (№ 16), кафе "Волна", "Былина", домашней кухни;

- нет пошивочного ателье "Весна";

- нет гостиницы "Русь";

- нет пункта проката (на ул. Первомайская);

- нет детской молочной кухни;

- нет машзаводской бани;

- нет филиала Тульского политехнического института.

Закрываются некоторые детские сады.

Дальше продолжить список предлагаю самим читателям. Обо всём этом приходится только сожалеть. Главное в том, что всё это были рабочие места!

Переживает большие трудности родной машзавод – некогда крупнейшее градообразующее предприятие Узловой.

О других предприятиях города (заводы "Пластик" и "АДС", швейная, кожно-галантерейная и обувная фабрики) сведений не имею, но, скорее всего, и они не в лучшем положении.

В связи с этим вызывает уважение, что при таких больших финансовых затруднениях завод не "бросил" свою социальную сферу. Работает Дворец культуры машиностроителей. Там функционируют все творческие объединения и кружки, проходят тренировки спортсменов и плановые соревнования. И гордость берёт за то, что наш завод имеет свой Дворец культуры, а такая крупнейшая финансовая отрасль, как железная дорога, это "государство в государстве" - не имеет.

Может быть, здесь есть какие-то неточности (например, в определении дат какого-либо события), прошу прощения за это у проницательных читателей. Ведь описываемые события так далеки (страшно подумать, ведь прошло полвека!) от сегодняшнего дня, что не мудрено что-то забыть. Просто я хотел, чтобы мои сверстники вместе со мной вспомнили то время и себя, молодых и здоровых. А читателям помоложе хотелось рассказать о том времени, в котором мы жили и как жили.

Описывая местные события тех далёких лет, нельзя было обойти вниманием события в стране и в мире в то время. Без этого картина нашей жизни была бы не полной.

Присутствуют здесь и исторические личности, при которых мы жили, учились, выросли. И не хотелось, чтобы некоторые

читатели подумали, что я превозношу прошлое и критикую настоящее. Нет! Я только констатировал факты, описывал только то, что и как было. Это ведь уже история, плохая или хорошая, но история!

Сентябрь 2005 - Май 2006 гг.

* * *

В том, что эта книга состоялась, большая заслуга редактора газеты «Узловский металлист» Л. В. Бурцевой.

Сама книга, как печатное издание, могла бы не появиться, если бы не финансовая поддержка директора школы № 7 В. С. Караева, предпринимателей П. В. Кузнецова (супермаркет «Темп»), П. Хайдари (салон красоты «Сабавон»), заместителя директора ООО «Тентмаркет» А. С. Келлера, руководителя фонда «Милосердие» В. Е. Прудских, а также директора «Узловской типографии» В. В. Юрова.

Большое спасибо всем.

Воронин Василий Николаевич
Взгляд в прошлое
Воспоминания

Рецензент: Дмитрий Васильевич Романов
Корректор: Т. П. Новожилова
Компьютерная вёрстка: Зинаида Воробьёва

Формат издания 60x84 1/16. Объем 6,05 усл. п. л. + обложка.
Сдано в набор 20.03.2007 г. Подписано в печать 06.04.2007 г.

Отпечатано в ОАО «Узловская типография»
301608, г. Узловая, Тульской области, ул. Свердлова, 31
Тираж 150 экз. Заказ 504.

